

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО РИМА

ДАНИЛОВ Е.С. (ЯРОСЛАВЛЬ)

ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА В РЕСПУБЛИКАНСКОМ РИМЕ

Ряд проблем, связанных с историей развития римской армии, уже давно порождает множество дискуссий. Один из спорных вопросов – это возникновение римской разведывательной системы. По мнению ряда исследователей, появление разведки датируется рубежом IV–III вв. до н.э., когда Римская республика развернула энергичную экспансию в Италии¹. Это утверждение опирается на свидетельство Тита Ливия, который упоминает брата римского консула Кв. Фабия Максима – Марка Фабия, под личиной этрусского крестьянина проникшего через территорию противника к нейтральным до того времени умбрам и склонивший их к союзу с Римом (Liv. IX.36.2)². Однако может показаться странным, что до военной кампании 310 г. до н.э., описанной Ливием, римлян не интересовало положение их врагов. Наша задача заключается в том, чтобы на основе источников проследить развитие искусства разведки в республиканском Риме.

Вначале обратимся ко временам царей. Древняя греко-италийская организация армии была основана на том, что был выделен особый передовой отряд самых лучших бойцов, сражавшихся обыкновенно верхом³. Согласно Дионисию Галикарнасскому, первого царя, основателя Вечного города, Ромула, повсюду сопровождали копьеносцы, которые выполняли его приказания, а в походе были передовыми бойцами и помощниками царя. «Многое в сражениях зависело от них, – пишет Дионисий, – так как они первыми начинали битву и последними отступали» (AR. II.13.3. Пер. И.Л. Маяк). Возможно, что созданный Ромулом передовой отряд

¹ *Adcock F.E.* The Roman Art of War under the Republic. Harvard, 1940. P. 12, 71, 107; *Колобов А.В.* Разведка в античном Риме // Сержант. 2002. № 23. С. 7.

² У Ливия около 70 упоминаний о разведке, не считая данных о перебежчиках и доносчиках.

³ *Моммзен Т.* История Рима. М., 2001. Т. 1. С. 473.

явился прообразом головного звена римского войска⁴. Это было началом складывания основных элементов походного порядка, который состоял из разведки, авангарда, главных сил и арьергарда⁵.

В период правления Тулла Гостилия, как передает Дионисий, сабиняне решились выступить против Рима, для чего начали из каждого города собирать военные силы и договариваться о союзе с латинскими общинами. «Однако установить с латинами дружбу и военный союз у них не вышло, так как Тулл, проведав об их замыслах, заключил с латинами перемирие и решил против сабинян вывести мощное войско» (*AR.* III.23.2–3. Пер. Н.Г. Майоровой).

Тарквиний Приск также оперативно узнавал намерения сабинян и расстраивал их планы (*ibid.* III.64.3). Когда при Анке Марции сабиняне вновь вторглись в пределы римлян, царь именно от лазутчиков получил известия, что наступил благоприятный момент для нападения на врагов, поскольку те рассеялись по полям и предались грабежу. Царь сам вместе с пехотинцами подступил к лагерю, который охранялся немногочисленной стражей и сходу захватил его (*ibid.* III.40.4).

Тарквиний Суперб пользовался услугами соглядатаев, скрытно следивших за тем, что говорится и делается на территории общины. Шпионы подбивали соседей на беседы, и случалось, что, сами высказываясь против царя, выпытывали мысли каждого. После чего о тех, про кого узнавали, что они тяготятся установившимся положением дел, доносили царю (*ibid.* IV.43.3)⁶. Вполне возможно

⁴ «Во всяком случае, выделялись целеры из массы римского воинства не как род войск, вероятно, и не по вооружению, а по способу комплектования и, главное, по своему назначению» (*Маяк И.Л.* Рим первых царей. М., 1983. С. 243).

⁵ *Разин Е.А.* История военного искусства. СПб., 1999. Т. 1. С. 426. «Вступив в римские земли, враги встретили обоих консулов: Валерий вел пехоту боевым строем, а Брут – передовую конную разведку. Точно так же шла конница и перед вражеским войском, возглавлял ее царский сын Тарквиний Аррунт, а сам царь следовал за ним с легионами» (*Liv.* II.6.6. Пер. Н.А. Поздняковой).

⁶ Подобный способ выяснения общественного мнения мы находим также в «Артхашастре» (I.9).

также, что Тарквиний Суперб имел некоторые понятия о контрразведке. Л. Анней Флор пересказывает нам следующую историю: «Он [sc. царь] был жесток и к своим близким. Не поколебался высечь сына, чтобы вызвать к нему доверие врагов, когда тот притворился перебежчиком. Как и хотел Тарквиний, сын был принят в Габиях и оттуда через гонцов захотел узнать у отца о его дальнейших планах; тот же, обивая палкой самые высокие головки маков, дал понять, что хочет умерщвления знати; таков был его молчаливый и высокомерный ответ» (I.7.6–7. Пер. М.Ф. Дашковой и А.И. Немировского). Но, скорее всего, причина столь странного, на первый взгляд, поведения царя заключалась в его осторожности и хитрости. Он не хотел, чтобы габийцы узнали о его намерении и исключил всяческую возможность попадания важной информации в чужие руки, зашифровав послание для своего сына. Ливий и Дионисий подчеркивают, что Тарквиний не доверял посланнику, который подумал, что все дело в природной гордыни царя (Liv. I.54.6; Dion. Hal. AR. IV.56.2). Таким образом, обоснованным представляется предположение, что в разных исторических ситуациях первые властители Рима отдавали предпочтение то военной, то политической разведке, то контрразведке⁷.

Очевидно, что переход от царской к республиканской форме правления не имел влияния на стратегию и тактику разведки. Тактическая разведка обеспечивает боевые действия войск в тактическом звене, т.е. в пределах соединений, находящихся в соприкосновении с противником. Она обычно проводится в сложных условиях боевой обстановки, время для тщательного анализа добытых ею сведений ограничено, а сведения такого рода быстро устарева-

⁷ При этом мы отдаем себе отчет в том, что первоначальная история Рима проникнута легендами (Вегнер В. Рим: Начало, распространение и падение всемирной империи римлян. Минск, 2002. Т. 1. С. 62). Но, предполагая, что традиция отображения деятельности царей сложилась в республиканский период, связываем пассажи о разведке с реалиями описываемого времени (Сидорович О.В. Анналисты и антиквары: римская историография конца III–I в. до н.э. М., 2005. С. 9).

ют. Стратегическая разведка добывает и изучает все сведения, касающиеся врага и влияющие на ведение целой кампании, в течение большого промежутка времени⁸. Стратегические сведения, собранные до и во время военной кампании, приобретались разными средствами: дипломатами, шпионами (Liv. XLIV.18.2; Front. *Str.* II.2; App. *BC.* III. 40; V.124), сторожевыми постами (Caes. *BC.* II.26; Liv. XXIII.27.3; Dion. Hal. *AR.* VI.14.1), фуражирами (Polyb. III.65), торговцами (Caes. *BG.* I.39), посредством случайно захваченных документов (Polyb. XI.1–3; Liv. XXVII.43–51). Не менее ценны были, однако, неримские источники, использование которых широко подтверждено. Их составляли пленные (Plut. *Cam.* 4), перебежчики (Liv. XXXI.33.11; Caes. *BA.* 35; App. *BC.* V.17) и местные жители (Ps.-Caes. *BH.* 2; Caes. *BA.* 8). Гораздо менее определенную информация передавали слухи (*rumor* или *fama*) – специфические данные (Caes. *BG.* II.1), но на войне, где точное определение источника информации не всегда осуществимо (Front. *Str.* IV.11; App. *BC.* II.45), они могли приобретать основательное значение в определенных обстоятельствах. По мнению Фрэнсиса Дворника, «на протяжении всего периода существования Римской республики не удастся найти ни единого следа какой-либо организованной системы, которая добывала бы сведения о тех событиях, что происходили у соседних народов или о планах врагов»⁹. Однако мы знаем, что в республиканский период римляне использовали примитивные средства предупреждения об опасности как, например, сигнальные значки¹⁰.

Вероятно, в ранний республиканский период римляне также полагались на союзников, которые оповещали их о приближении противника, о чем свидетельствуют многочисленные факты¹¹. По-

⁸ Клаузевиц К. фон. О войне. М., 2002. Т. 1. С. 123.

⁹ Dvornik F. *Origins of Intelligence Services*. New Brunswick, 1974. P. 53.

¹⁰ Герье В.И. История римского народа. М., 2002. С. 128–129.

¹¹ Сенат принимал послов, получал от них сведения о намерениях других племен и, исходя из интересов Рима, решал вопрос о форме реагирования (Liv. II.22.5; 26.4–5; 30.8; VI.10.6–9; 25.2; VII.19.4; 30.1). «В IV в. развиваются тен-

сланники латинов постоянно извещали римский сенат о возможности начала военных действий со стороны вольсков и других италиков (Dion. Hal. AR. VI.34.4; Liv. IV.37.4). В 171 г. до н.э. римляне вмешались в конфликт Македонии и Пергама из-за Геллеспонта и Малоазийского побережья. Опасаясь, что Македония займет названные места, пергамский царь Эвмен обратился к третьейскому посредничеству Рима. Было назначено экстраординарное заседание сената, на котором пергамский царь выступил с докладом о военных приготовлениях Персея (Liv. XLII.11.2–14.1). В благодарность за это сообщение сенат провозгласил Эвмена «лучшим другом» римского народа и заключил с ним союз. Полученная информация помогла найти официальный повод для войны с Македонией до окончательного складывания антиримской коалиции на Балканах¹². В 58 г. до н.э. с помощью «римских друзей» Цезарю удалось организовать общегалльскую конференцию. То был своего рода дипломатический конгресс представителей всех галльских племен. Цезарь добился того, что конференция провозгласила его вождем и защитником общегалльских интересов. Этот дипломатический ход облегчил Цезарю задачу покорения Галлии. К нему как к судье начали обращаться галльские вожди со своими нуждами, жалобами и взаимными доносами (Caes. BG. I.11, 19, 30, 37). Это давало Цезарю полную осведомленность во внутренних делах Галлии, возможность вмешиваться в межплеменные распри и безошибочно направлять свои дипломатические и военные предприятия¹³.

денции, заложенные еще со времени установления республики в конце VI в., к превращению сената в координатора действий командующих, что делает убедительной характеристику сената ранней республики как своего рода центрального органа всего римского военного ведомства» (Токмаков В.Н. Римский сенат и центуриатная военная организация в период Ранней республики // ВДИ. 1994. № 2. С. 40).

¹² Сергеев В.С. Дипломатия Древнего Рима // История дипломатии. М., 1941. Т. 1. С. 68.

¹³ Syme S.R. Military Geography at Rome // Classical Antiquity. 1988. Vol. 7. No. 2. P. 230; Черняк Е.Б. Пять столетий тайной войны. Из истории секретной дипломатии и разведки. М., 1991. С. 8.

Итак, в соблюдении общих интересов римляне полностью полагались на своих союзников. Такая добровольная система действовала до тех пор, пока дружественным племенам было выгодно информировать Рим¹⁴. Естественно, что все нарушалось, когда племя становилось противником и успешно переманивало на свою сторону другие племена. Во избежание этого служила дипломатия. Некоторые исследователи предполагают, что дипломатические миссии римлян могли иметь разведывательные цели. Посольская делегация обычно была довольно многочисленной: сам посол, его секретари, сопровождающие лица, переводчики, охрана, слуги. В сущности, дипломатическое прикрытие предоставляло идеальные условия для сбора информации¹⁵.

В источниках есть прямые указания на шпионскую деятельность римских послов. В 466 г. до н.э. разразился очередной конфликт римлян с эквами, грабившими поля союзных Риму латинян. Для его решения сенат избрал и направил трех послов, которыми руководил Кв. Фабий. «Когда послы прибыли, эквы, выслушав их претензии, дали им уклончивые ответы, оправдываясь, будто это дело произошло не по общему решению. Фабий негодовал на них и взывал к нарушенным с их стороны соглашениям. Когда же он увидел, что эквы хитрят, прося время для обсуждения и задерживая его под предлогом осмотра достопримечательностей и видя, что все мастерские полны оружия, предназначенного для войны, часть которого уже была полностью изготовлена, а часть еще находилась в работе, он понял их замысел» (Dion. Hal. AR. IX.60.3–5. Пер. Н.Г. Майоровой). В 264 г. до н.э. консул Аппий Клавдий переправился через Мессанский пролив на рыбацьем судне, чтобы

¹⁴ См.: *Нетушил И.В.* Начало мировой политики Римской республики и конец Лация // ЖМНП. 1904. № 8. С. 357–390; № 9. С. 391–437.

¹⁵ *Нечаева Е.Н.* Внешняя разведка в период поздней античности // Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы. Материалы 11-й международной конференции молодых ученых. СПб., 2000. С. 293; *Курилов М.Э.* О некоторых функциональных особенностях института спартанских глашатаев // ВДИ. 1996. № 4. С. 138; *Peretz D.* The Roman Interpreter and his Diplomatic and Military Roles // *Historia*. 2006. Bd. 55. Hft. 4. S. 470.

разведать расположение врагов и вступить в переговоры с вождем карфагенян. Вернувшись в Регий, он захватил пятивесельное судно неприятеля с помощью сухопутных войск и перевез на нем в Сицилию целый легион, который выгнал карфагенян из Мессаны (Aug. *Vict. De vir. ill.* XXXVII.3–4). В 195 г. до н.э. в Эфес ко двору селевкидского царя Антиоха III римляне отправили послов, чтобы те, выполняя для вида посольские поручения, «разведали о приготовлениях царя к войне» и либо расположили Ганнибала в пользу римлян, либо постоянными беседами с ним сделали его подозрительным и ненавистным Антиоху. Интересен тот факт, что о местоположении Ганнибала римляне узнали из доноса карфагенян, вынужденных следовать статьям мира, подписанного в 201 г. до н.э. после окончания Второй Пунической войны (Iust. XXXI.4.1–4).

Деятельность дипломатов часто вызывала подозрения со стороны государства, в которое они были отправлены, и посланники, несмотря на свой статус, подвергались многочисленным опасностям. В 58 г. до н.э. Цезарь поручил послам узнать, что говорит Ариовист, и сообщить ему. «Когда Ариовист увидал их у себя в лагере, то он закричал в присутствии своего войска: зачем они пришли к нему? может быть, шпионить? Они попытались было отвечать, но он не дал им говорить и приказал наложить на них цепи» (Caes. *BG.* I.47. Пер. М.М. Покровского). Послы могли быть не только ограничены в свободе (App. *BL.* 6.34), но ограблены или умерщвлены (Dion. *Nal. AR.* VII.2.1–3), или просто лишены возможности исполнять свои обязанности (Cass. *Dio.* LIX.23.5). Причиной тому всегда служило опасение шпионской деятельности послов. Ведь, как сообщает Ливий, «через послов римляне обо всем беспрестанно разузнавали» (Liv. XXXV.23.2. Пер. С.А. Иванова). Чтобы разгадать тайны противника, некоторые полководцы снаряжали к нему послов, отправляя с ними под видом служителей опытных воинов, которые высматривали устройство неприятельского войска, узнавали, в чем его сила и слабость, и своими сообщениями облегчали победу (Front. *Str.* I.3; II.1; Liv. XXX.4.1).

Таким образом, под прикрытием дипломатической неприкосновенности послы исполняли свою миссию, а разведчики – свою.

Дипломатическое и военное превосходство Рима сохранялось до тех пор, пока он имел дело лишь с разрозненными народами Италии. Но как только римляне столкнулись с Карфагенской державой, хорошо знавшей преимущества качественной разведки, они вынуждены были усовершенствовать свою систему добычи разведанных¹⁶. Как показал Е. Родионов, проанализировавший ход некоторых сражений Пунических войн, римские полководцы иногда пренебрегали разведкой¹⁷. Американский историк Р. Роуан отмечал, что в древности военная разведка отставала в своем развитии от дипломатической¹⁸. Причина этого, вероятно, в нерадивости военачальников (Sall. *Hist.* II.42), отсутствии у них опыта, недооценке врага или все дело в прямолинейности римлян, в их нежелании хитрить и обманывать¹⁹ (Plut. *Popl.* 16). По мнению Р. Вилмера, одним из немногих победоносных полководцев античности, который не пренебрегал разведкой, а наоборот поставил ее во главу угла своей стратегии, был Сципион Африканский, с именем которого связаны наиболее славные страницы борьбы Рима с Карфагеном²⁰.

Теперь обратимся к деятельности профессиональных разведчиков. Отряды, которые названы у древних писателей общим име-

¹⁶ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. СПб., 2001. Т. 1. С. 262; Кораблев И.Ш. Ганнибал. М., 1981. С. 67, 75; Лэмб Г. Ганнибал. М., 2003. С. 97, 173, 423; Ovadiah A. The Relief of the Spies from Carthage // Israel Exploration Journal. 1974. Vol. 24. P. 210–213.

¹⁷ Родионов Е. Пунические войны. СПб., 2005. С. 62.

¹⁸ Роуан Р.У. Очерки секретной службы. Из истории разведки. М., 2003. С. 6.

¹⁹ Греческий писатель-сатирик Лукиан в «Разговорах в царстве мертвых» очень точно передал отношение римлян к Ганнибалу: «Я не буду говорить о том, каким образом он покорил Италию: не силой, а ложью, клятвопреступлениями и обманом, ничего не совершив честно и открыто» (XII.6. Пер. С. Сребрного).

²⁰ Wilmer R. Secret Service: Thirty-three Centuries of Espionage. N. Y., 1967. P. 16.

нем *procursores* и их греческий эквивалент *πρόδρομοι*, нуждаются в рассмотрении первыми; они, однако, никогда не были формально организованы на постоянной основе, и, видимо, их функции могли не быть первостепенными для собирания разведки²¹. В основном это были отряды обычных кавалерийских стрелков, стоящих непосредственно впереди армии на марше²². Когда началось римское вторжение в Парфию (53 г. до н.э.), *πρόδρομοι* составляли авангард семи легионов М. Лициния Красса. После переправы через Евфрат, *πρόδρομοι* были развернуты для уточнения восточного маршрута по направлению к Каррам: они нашли следы, принадлежащие большому количеству лошадей, что вели по направлению от римлян, но не встретили людей (Plut. *Crass.* 20.1). *πρόδρομοι* были задействованы непосредственно в рекогносцировочной роли, и, вероятно, имели достаточную численность, чтобы защитить себя в стычке с парфянской кавалерией²³. Во времена Цезаря роль *procursores* в основном исполняли простые *equites*, т.е. всадники. Например, в кампании против гельветов 58 г. до н.э., где вся кавалерия у римлян составляла 4 тысячи всадников, Цезарь отправил их для наблюдения над маршрутом противников (Caes. *BG.* I.15).

Более тесно были связаны с разведочными операциями *exploratores* и *speculatores*. Главная задача *exploratores*, численность которых, насколько мы можем судить, составляла несколько десятков человек²⁴, заключалась в том, чтобы точно разузнать о расположении и

²¹ Секунда Н. Армия Александра Великого. М., 2004. С. 34; Соколов И.Ю. К вопросу о вспомогательном подразделении в коннице Александра Великого // *Antiquitas Iuventae*. Саратов, 2006. Вып. 2. С. 53; Фор П. Александр Македонский. М., 2006. С. 328.

²² Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М., 2000. С. 621.

²³ О разведывательной функции римской кавалерии см.: Макиавелли Н. О военном искусстве. СПб., 1999. С. 62, 151; Гиро П. Быт и нравы древних римлян. Смоленск, 2002. С. 389; Денисон Дж. История конницы. М., 2001. С. 55; Марков М.И. История конницы. От Древней Греции до изобретения огнестрельного оружия. М., 2007. Кн. 1. С. 169–171.

²⁴ Из псевдо-Гигина (II в.) следует, что на 3 легиона приходилось 200 *exploratores* (*De munit. castr.* 30).

продвижении сил врага²⁵. Кроме того, в их обязанности входило точно выведать маршрут, по которому должны были пройти основные силы, а также найти место для расположения лагеря (Caes. *BG.* II.17). До императорского периода эксплораторы не являлись отдельным самостоятельным подразделением²⁶. *Speculatores* обычно действовали в большем режиме секретности и поэтому имели намного меньшую численность, чем *exploratores* – 10 человек на легион²⁷. Они были скорее шпионы, чем разведчики²⁸. Спекуляторы использовались для ведения действий в ночных условиях (Ps.-Caes. *VN.* 28) и для обнаружения убежищ противника (*ibid.* 38).

Кроме «профессиональных» разведчиков, главными носителями необходимой информации всегда являлись знающие люди. Мы попытаемся разделить эту категорию осведомителей на 7 групп с условными названиями:

Эксперт. Это индивид, чьи профессиональные знания и контакты обеспечивают первоклассную ориентацию в разрабатываемом вопросе. Его сведения позволяют по-иному взглянуть на существующую проблему, он выдает базовые материалы, выводит на неизвестные источники информации. Таковым, без сомнения, следует считать Харопа – «первого человека в Эпире», сочувствовавшего римлянам и тайком от Филиппа им содействовавшего (Plut. *Flam.* 3).

Внутренний информатор. Это человек из группировки противника, завербованный и поставляющий данные по различным

²⁵ *Gichon M.* Military Intelligence in the Roman Army // Ed. by H.E. Herzig and F. Frei-Stolba. Labor omnibus unis: Gerold Walser zur 70. Geburtstag dargebracht von Freunden, Kollegen und Schülern, Historia Einzelschriften 60 / Stuttgart, 1989. S. 159.

²⁶ *Fiebiger H.O.* Exploratores // RE. 1909. Bd. 6. Sp. 1690–1693; *Speidel M.P.* Roman Army Studies. Stuttgart, 1992. Vol. 2. P. 90; *Ле Бож Я.* Римская армия эпохи Ранней Империи. М., 2001. С. 73.

²⁷ См.: *Sheldon R.M.* Intelligence Activities in Ancient Rome. L., 2005. P. 165.

²⁸ Отличие шпиона от разведчика состоит в том, что последним может считаться лазутчик, не скрывающий своей принадлежности к военнослужащим (*Турло С.С., Залдат И.П.* Шпионаж. М., 2002. С. 67–80).

для него причинам. Так, Сулла при осаде Пирея использовал в качестве внутренних информаторов двух рабов, которые на свинцовых шарах делали надписи, «что предпринимается против римлян, и бросали их из пращей» (App. *Mithr.* 31; ср.: 34, 35).

Информатор поневоле. Это любой знающий человек из сторонников противника, проговаривающий необходимые сведения под влиянием активных методик воздействия – допрос, пытка, шантаж и т.д. Так как достоверность полученных сведений в данном случае не гарантирована, то такой подход был применим лишь в период острой необходимости, когда невозможно было выведать что-то иным способом. М. Порций Катон во время подавления восстания кельтиберов в 195 г. до н.э., не имея иного способа проникнуть в планы неприятеля, приказал трем сотням воинов одновременно напасть на вражескую заставу, захватить и доставить невредимым в лагерь пленника; тот под пыткой сообщил все нужные данные (Front. *Strat.* II.5).

Внедренный информатор. Это «свой» человек, тем или иным способом проникший в лагерь врага. Ценность поставляемых им данных зависит от его индивидуальных качеств и степени внедрения. Таким информатором следует считать скифа Олкаба, внедренного ставкой Митридата в окружение римского полководца Л. Лициния Лукулла и долгое время участвовавшего в его тайных совещаниях (App. *Mithr.* 79).

Легкомысленный информатор. Это любое информированное лицо, проговаривающее интересные факты в деловой, дружеской, компанейской либо интимной беседе. Случайно обмолвленное сообщение может быть необычайно ценным. Так, в 48 г. до н.э. цезарианец Гн. Домиций Кальвин узнал об итогах сражения при Диррахии через своих осведомителей. Его соглядатаи случайно встретились со знакомыми аллоброгами, служившими Помпею. Желая похвастаться, галлы подробно рассказали им обо всем случившемся, а также об отступлении Цезаря и приближении Помпея. Получив от разведчиков эти сведения, Домиций, который лишь на че-

тыре часа ходьбы опередил Помпея, благодаря сведениям, полученным от врага, избежал опасности и соединился с Цезарем у Эгиния близ Фессалийской границы (Caes. *BC*. III.79).

Контактёры. К ним мы отнесем людей, которые тем или иным образом случайно контактировали или некогда соприкасались с вражеской боевой группой. Например, Цезарь узнал от какого-то захваченного водоноса, что легаты Помпея, Афраний и Петрей, снимаются с лагеря (Front. *Strat*. VIII.9).

Случайный источник. Были случаи, когда какой-то индивид, изначально совершенно не рассматриваемый в качестве потенциального информатора, вдруг оказывался носителем уникальной информации. Как сообщает Аппиан, у Митридата было некое укрепленное место, где в тайных подземных хранилищах было скрыто большое количество денег в медных сундуках. Стратоника, одна из наложниц Митридата, которая знала тайну этого укрепления, выдала Помпею тайну сокровищ. Ее единственным условием было, чтобы Помпей сохранил жизнь ее сыну Ксифару, если он попадет в римский плен (App. *Mith*. 107).

Другим важным источником конфиденциальной информации, позволяющим ориентироваться в планах противника, являлись военные документы. Именно поэтому римляне мало полагались на папирус в таком опасном ремесле, как война. Например, герой 390 г. до н.э. Понтий Коминий не взял никакого письма к защитникам Капитолия, чтобы галлы, если бы он попался им в руки, не разгадали намерений римского командования (Plut. *Cam*. 25). Когда послание нельзя было передать на словах, то использовали тайнопись (Suet. *Caes*. 56.6) или просто писали по-гречески (Caes. *BG*. V.48), если противником были варвары²⁹.

²⁹ «Также и в кратких списках, содержащих имена воинов, были у древних соответствующие знаки, с помощью которых они отслеживали, сколько воинов выжило в битве и сколько погибло. Знак □ (тау) с веточками сверху буквы, обозначал имя выжившего, а □ (тхета) приписывалась к имени каждого умершего. Когда же хотели обозначить неопытность воина, то использовали букву □ (лям-

Доставка могла осуществляться одним из шестнадцати способов, представленных военным теоретиком IV в. до н.э., Энеем Тактиком (XXXI.1–32). В 207 г. до н.э. шесть посланников от Газдрубала пытались информировать его брата Ганнибала о прибытии в Италию. Возле Тарента они были пойманы римскими фуражирами. Принужденные под угрозой пытки говорить, гонцы признались, что несли письмо от Газдрубала к Ганнибалу, и были конвоированы к консулу Г. Клавдию Нерону, прочитавшему это письмо через переводчика. Нерон направил письмо в сенат и через некоторое время информировал о плане действий. Вместе со своим товарищем М. Ливием Салинатором он разбил армию Газдрубала на реке Метавре, и повернул войска к югу, чтобы встретить Ганнибала. Последний едва узнал, что произошло, когда голова его брата была подброшена в карфагенский лагерь (Polyb. XI.1–3; Liv. XXVII.43–51).

Необходимо также выделить те критерии, по которым легионера включали в разведывательную группу. Этот незамысловатый список черт и качеств мог быть следующим: опытность (Dion. Hal. AR. XI.26.1); трезвомыслие (Liv. XXII.15.4); бдительность (Front. Strat. II. 7); быстрота (Plut. Cato Mai. 13); наблюдательность (Liv. X.34.7); отличное владение оружием (Polyb. III.45); физическая развитость (Plut. Cam. 4); решительность (App. Ill. V.25); хорошая память (Plut. Sert. 3); располагающая к контакту внешность (Dion. Hal. AR. V.76.2).

Одежда разведчиков, скорее всего, была облегающей и не сковывающей движения, легкая обувь и вооружение заменяли тяжелые сандалии и панцирь (App. Hann. II.11; Polyb. XVIII.21). В платье охотника или пастуха выполнялись многие разведывательные действия (Flor. XII.17; Liv. IX.2.2, IX.36.2). Все атрибуты секретной деятельности должны были быть функциональны, а сама деятельность бесшумной. Мы можем предположить, что римские

бда). Также и при начислении выплат имелось множество соответствующих знаков» (Isidor. Etymol. I. 24. 1–2. Пер. Л.А. Харитонова).

разведчики располагали системой специальных знаков. Так, Исидор Севильский писал, что есть некоторые знаки, производимые пальцами и глазами, с помощью которых общаются немые и все люди, находящиеся на большом расстоянии. «Такой же обычай есть и у военных, поскольку они договорились передавать жестами рук то, что невозможно передать голосом. Иначе они, когда голосом не могут, салютуют движением меча» (*Etymol.* I.26.1). Аммиан Марцеллин упомянул другой знак: «Протянув вперед руку, скрутив концы плаща и подняв их вверх, я подавал условный знак, что неприятель близко» (XVIII.6.13)³⁰.

Личный состав подразделений, выделенных в разведку (*procursatores, exploratores, speculatores*), должен был действовать смело и скрытно, проявлять находчивость, инициативу и военную хитрость, добывать к установленному времени разведывательные сведения и своевременно их докладывать. Отчеты о результатах разведки должны были быть достоверными и краткими. Возможно, по аналогии с древнегреческой традицией³¹, в них указывалось: какой противник, когда и где обнаружен, характер его действий; где находится подразделение, ведущее разведку; что командир решил делать в дальнейшем (*Xen. Cyr.* VI.3.5–12).

Разнообразие средств, использовавшихся римлянами для сбора сведений стратегического и тактического характера, показывает довольно ясно, что любые методы могли быть действенными для получения необходимой информации о противнике. Большинство из них были в употреблении на протяжении всей истории Рима, но нельзя сказать, что они всегда использовались одинаковым образом или с равной эффективностью.

³⁰ Данный жест имеет сходство с современными войсковыми сигналами и, вероятно, использовался задолго до Аммиана. Поднять руку на высоту головы означает «внимание!» (см.: Сафронов А.Н. Служба разведывательного дозора при разведке местности и местных предметов // Войсковая разведка. Минск, 2004. С. 75).

³¹ Подробнее см.: *Russel F.S.* Information Gathering in Classical Greece. Michigan, 1999. P. 1–139.

Тайная война началась одновременно с самим существованием римского государства. Правила ее ведения были заложены в VIII–VI вв. до н.э. как часть дипломатии и военного дела. В период с VI по III в. до н.э. организация разведки поменялась, насколько мы можем судить, незначительно. Ее основу все еще составляли донесения союзников и дипломатов. Ситуация изменилась с началом Пунических войн. Военная разведка вынуждена была «догонять» дипломатическую. Ее стали использовать шире только благодаря усилиям римских командующих, наученных осторожности в тяжелом противостоянии с Ганнибалом. Поэтому, полтора века спустя, уже во времена Цезаря, стремительное применение разведывательной работы было продуктом не столько его римского полководца, сколько роста уровня профессионализма римской армии в республиканский период.

МАНСКОВ О.В. (НОВОЧЕРКАССК)

ТАРЕНТ В АНТИЧНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Тарент, один из самых крупных городов на южном побережье Апеннинского полуострова, основан в 706 г. до н.э. выходцами из Спарты. Выгодное географическое расположение города на перекрестке торговых путей из Элады в Италию и Сицилию, в чрезвычайно плодородной и красивой местности, сыграло свою роль в тарентинской истории. Город превосходил остальные поселения южной Италии политическим могуществом, военной мощью, экономическим и культурным развитием.

В труде «отца истории» Геродота Тарент и его жители упоминаются неоднократно. Геродот – родоначальник «критской» версии происхождения италийских племен тарентийского региона – говорит о критянах, выброшенных бурей в Иапии (VII.170). Далее, в том же отрывке, рассказывая о битве тарентинцев и жителей Регия с местными племенами, он называет ее самой кровавой резней между эллинами. Для него эта война междоусобная и он относится к произошедшей битве чуть ли не как к общегреческой трагедии¹. Геродот сообщает о царской власти в Таренте, упоминая царя Аристофилида, который заключил персидских соглядатаев в темницу (III.136–138). Излагая легенду об Арионе из Мефимны, «несравненном кифареде своего времени», историк вновь говорит о Таренте, который стал отправной точкой путешествия великого музыканта и певца (I.24). Труд Геродота полон не только легенд, но и попыток критически осмыслить увиденное и услышанное. Таким образом, нет оснований не доверять всему сказанному «отцом истории».

Труды логографа V в. до н.э. Антиоха из Сиракуз, напрямую не дошедшие до нашего времени, легли в основу работ других античных историков, в частности Страбона. Современные исследова-

¹ *Wuilleumier P. Tarente des origines à la conquête romaine. P., 1939. P. 11.*

тели не вполне доверяют Антиоху. Так, И.А. Шишова обвиняет его в интересе «ко всякого рода легендам, которые нередко толкуются наивно и неупорядоченно»². В противовес этому Л.Г. Печатнова утверждает, что Антиох добросовестно передает местное предание об основании Тарента в том виде, в каком оно существовало в V в. до н.э.³

«История» афинянина Фукидида посвящена событиям Пелопоннесской войны, полностью изменившей расстановку сил в Элладе. Фукидид приводит историю, как во время экспедиции афинян в Сицилию Демосфен и Эвримедонт делали заход в порт около Херадских островов (в заливе Таранто) у Иапиии, и потом добавляет: «Затем они отплыли оттуда и пристали к Херадским островам у Иапиии, где приняли на борт около 150 иапигских метателей дротиков из племени мессапиев. Они возобновили старинный союз с тамошним властителем Артой, который предоставил им этих метателей дротиков и прибыли в Метапонт в Италии» (VII.33). Благодаря кратким, но емким замечаниям Фукидида, мы можем определить позицию Тарента в Пелопоннесской войне, попытаться установить роль города в разворачивавшихся событиях, прояснить развитие тарентинско-варварских отношений в этот период.

Великий философ Платон был знаком со знаменитым представителем пифагорейской школы Архитом из Тарента, который прославился не только как знаменитый философ и ученый, но и как полководец, а также являлся руководителем тарентинского государства в 366–360 гг. до н. э. При нем Тарент достиг пика своего политического, культурного и экономического развития. Переписка двух философов, которая имеется в нашем распоряжении, дает нам хотя и скудный, но полезный материал о взаимоотношениях этих выдающихся личностей как между собой, так и с другими выдающимися личностями эпохи. Так, тиран Сиракуз Дионисий II

² Шишова И.А. Раннее законодательство и становление рабства в античной Греции. Л., 1991. С. 145.

³ Печатнова Л.Г. История Спарты (период архаики и классики). СПб., 2001. С. 295.

сделал Таренту дар, а Архит Тарентский лично посещал Сиракузы (*Ер.* VII. р. 338).

Во «Всемирной истории» Эфора, историка из малоазийского города Кумы, мы видим всеобъемлющее историко-географическое описание ойкумены, что сразу сделало его труд заметным среди современников. Эфор – явный моралист, что приводит иногда к несоответствиям в трудах тех, для кого он стал основным источником. Примером этого может служить версия Эфора об основании Тарента, сильно сокращенная и отредактированная Страбоном (*аруд Strab.* VI.3. р. 279–280).

Знаменитый философ древности, учитель Александра Македонского, Аристотель также не обошел Тарент своим вниманием. В «Политике» он рассказывает о т.н. заговоре парфениев, который сопровождал основание тарентинского полиса (*Pol.* V.6.1. 1306 b 29–31). Упоминает Аристотель и о хозяйственных занятиях жителей Тарента, в частности, о рыболовстве (*Pol.* IV.4.1)

Тесные экономические и культурные связи между греческими городами, их контакты с остальным, «варварским», миром, активная колонизационная политика нашли отражение в увеличении потока информации об окружающем Элладу мире. Наряду с обширными историческими трудами появляются периплы (т.е. обстоятельные руководства для купцов и мореплавателей) и периегесы («землеописания»), отражающие этническую картину в различных регионах ойкумены. Одним из таких источников является перипл неизвестного автора, написанный в начале второй половины IV в. до н.э. Написан он человеком широко осведомленным, по видимому, афинянином. В этом, так называемом перипле псевдо-Скилака явно отражен интерес греков к полисам Великой Греции.

Конец III – начало I вв. до н.э. не очень богаты серьезными произведениями, отражающими это время. Единственный заслуживающий внимание труд – произведение автора, известного под именем псевдо-Скимн. Его работа «Землеописание» написана в основном по Эфору и Деметрию Калатийскому и отражает этническую картину расселения италийских племен интересующего нас

региона. Упоминает псевдо-Скимн и героя-эпонима Таранта-Тараса (Ps.-Scym. 336).

С критикой исократовского направления в историографии, представленного именами Эфора и Феопомпа, выступил знаменитый историк Полибий, уроженец Мегалополя из Аркадии. Его «Всеобщая история» в 40 книгах охватывает события до 146 г. до н.э. До нас дошли пять книг и многочисленные отрывки из остальных. «История» Полибия – это прагматическая история, ограниченная событиями политическими. Это полностью исключает какое бы то ни было содержание этнографического и антропологического характера. Здесь нет места мифологическим преданиям и рассказам об основании городов и колоний⁴. Особенно сильно Полибий критиковал труд своего знаменитого предшественника Тимея из сицилийского города Тавромения, написавшего историю Сицилии и Италии с древнейших времен до первой Пунической войны. «История» Тимея, не дошедшая до нас, изобиловала сведениями о колониях, основании городов, родственных связях, истории отдельных семей, обычаях народов, а также данными из географии и хронологии. Полибий сурово порицал Тимея за рыхлость композиции, растянутость изложения, неуместные философские рассуждения и сентенциозную манеру выражаться. Но главное обвинение Полибия состоит в том, что Тимей, по его мнению, искажает историческую истину. Это является следствием того, что Тимей описывал местности, основываясь лишь на чужих изложениях, т.е. он ни разу не бывал в упоминаемых местах. И, самое главное, он не имел опыта в государственных и военных делах⁵. Полибий, видимо, был хорошо знаком как с самим Тарентом, так и с его историей, памятникам и всей округой. Греческий историк был одним из первых, кто показал преимущества тарентинской гавани. До Регия, как пишет Полибий, «не находят другого порта, кроме Тарента» (X.1.1).

⁴ Дуров В.С. Художественная историография Древнего Рима. СПб., 1993. С. 14.

⁵ Там же. С. 15.

Важным источником для нас является «Историческая библиотека» Диодора Сицилийского. Этот труд охватывает историю древнего мира до эпохи Цезаря. Создан он был на огромном материале, в том числе и на не дошедших до нас сочинениях. Таренту посвящены несколько фрагментов труда Диодора. В одном из них (VIII.21) сообщается, что эпевнакты послали гонца в Дельфы с вопросом, могут ли они колонизовать Сикион. Оракул повелел им отказаться от планов и начать колонизацию Тарента. В этом отрывке, который очень несходен с другим отрывком Диодора, повествующем об основании Тарента (XV.66.3), излагаются два ответа оракула. Второй из ответов тождественен ответу, который приводит Антиох, дошедшему до нас в труде Страбона. Отрывок этот подробно комментирует Дионисий Галикарнасский, но Ж. Берар считает, что он произошел из-за путаницы, так же, как все похождения эпевнактов⁶. На основании труда Диодора мы можем составить и некоторое представление и об отношениях тарентинцев с варварами. Так, он сообщает о длительных войнах Тарента с окружающими его местными племенами (XI.52).

Источником первостепенной важности является для нас «География» Страбона. Написанная на склоне лет, она представляет поистине энциклопедию знаний древних об ойкумене. Следует согласиться с мнением В. Тарна о Страбоне: «Мало найдется писателей, которым мы были бы больше обязаны, чем ему»⁷. Основные источники для географа, когда он сообщает о Таренте, – это труды Антиоха и Эфора. Страбон подробно описывает тарентийскую гавань, город и акрополь, упоминает о произведениях искусства (III.1). Не оставляет он без внимания и историю основания Тарента, излагая две версии этого исторического события, нашедшие отражение в трудах Антиоха и Эфора.

Последним из греческих авторов следует назвать Плутарха. Автор «Сравнительных жизнеописаний» обращается к одним из

⁶ Bérard J. La colonisation greque de l'Italie méridionale et de la Sicile dans l'Antiquité. P., 1957. P. 166

⁷ Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949. С. 262.

самых ярких эпизодов в истории Тарента: приглашение тарентинцами в Италию царя Пирра и война с Римом, которая за этим последовала.

Римская традиция известна нам, начиная с того времени, когда Тарент уже давно утратил свое былое значение, войдя в состав Римского государства. Время рубежа I в. до н.э – I в. н.э дало нам первого римского историка, который не принимал участия в политической жизни и не имел никакого военного и административного опыта. Т. Ливий создал огромное историческое сочинение, из 142 книг которого до нас дошло полностью только 35. Ливий не ставил свое задачей исследование причин исторических событий – при широких временных рамках исследования это невозможно. Вынужден он был и ограничить количество используемых им источников – из греческих историков он фактически использует одного Полибия. Явственна у Ливия и идея возвеличивания Рима. К сожалению, те книги, в которых речь шла о войнах с Римом, дошли до нас только в кратких извлечениях – периодах, которые не могут дать ничего, кроме последовательности событий.

Из латинских авторов I в. н.э. в поле нашего внимания попадает Г. Плиний Секунд, который касался вопроса этнографии интересующего нас региона. Плиний широко использовал бытовавшие в то время периплы и дорожники, которые базировались на сведениях, полученных в результате деятельности римской администрации.

В противоположность Ливию, римлянин Помпей Трог, также живший на переломе эпох, в своих трудах восхваляет противников Рима, о победах Рима он говорит сдержанно, зато находит удовольствие вспоминать известные поражения римской армии. Главный труд Трога – «Филиппова история» (*Historiae Philippicae*) в 44 книгах, которые дошли до нас в компендии Юстина, автора начала II в. н.э. Для нас рассказ Юстина важен тем, что в нем мы находим некоторые детали, которые не упоминает Страбона, но в то же время встречаются почти дословные совпадения. Следует, видимо, согла-

ситься с мнением Л.Г. Печатновой, что рассказ Страбона мы вполне можем дополнить сведениями из Юстина⁸.

Определенный интерес представляет сочинение римского историка Л. Аннея Флора, жившего во времена императора Адриана. Автор в обобщенно-риторической форме излагает историю Пирровой войны, которая предопределила судьбу Тарента.

Необычайно ценен для нашей темы труд Павсания, автора историко-археологического «Описания Эллады». Павсаний много путешествовал, для написания своего труда он часто пользовался историческими источниками. Широта вопросов, охваченных в грандиозном труде писателя, достойна изумления. Это и изложение мифологем, генеалогий, описание местностей, исторических памятников (храмов, статуй и пр.) Так, Павсаний упоминает памятник Никоклу из Тарента, «который из всех кифаредов достиг величайшей славы» (I.37.2). Ученый грек, описывая памятники Олимпии, говорит о статуях, поставленных в честь тарентийских олимпийцев. Так, Икк, сын Николанда, впоследствии был лучшим инструктором по атлетике среди своих современников (V.10.5). Павсаний не упоминает легенду о скандальном происхождении основателей Тарента, несмотря на то, что, по-видимому, такая возможность неоднократно представлялась. Отсюда можно сделать вывод, что он обходит этот сюжет сознательно, как не имеющий для него исторической ценности. Следует, очевидно, согласиться с мнением А. Доле, что скандальные подробности происхождения будущих основателей Тарента являются более поздней выдумкой и принадлежат острым на язык афинянам⁹.

Из исторических сочинений эпохи поздней римской империи полезен для нас компендий римской истории, созданный Руфом Фестом. Сверхкраткий обзор Феста посвящен войнам, которые вели римляне. Краткое замечание Феста о дружине Идоменея, добав-

⁸ Печатнова Л.Г. Указ. соч. С. 291.

⁹ Doehle A. Geschichte Tarents bis auf seine Unterverfung unter Rom. Strassburg, 1877. S. 7.

ляет новые детали в гипотезы древних о происхождении италийских племен (*Salentini*)¹⁰.

Анализируя историческую традицию о Таренте, нетрудно заметить, что античные историки обращаются к тарентийской теме, либо описывая исторические обстоятельства, сопутствовавшие основанию Тарента, либо то противостояние, основным участником которого стал не столько Тарент и его жители, сколько эпирский царь Пирр. Исключением являются те источники, в которых целью является географическое описание региона. Благодаря таким авторам становится возможным прояснить этническую картину расселения местных племен, отношение к ним эллинов, их контакты с ойкуменой и между собой, выяснить специфику географических, климатических условий. Писателей, исходя из их взглядов на Тарент, можно разделить на две группы. В первую группу попадают Антиох, Фукидид, Аристотель, во вторую – Геродот, псевдо-Скимн, Страбон и Павсаний. И если для первых Тарент и его население как бы вне Италии, то для вторых Италия и Тарент – часть Великой Греции, которая объединяет все колонии эллинов в регионе¹¹.

Подводя итог исследованию источниковой базы по истории Тарента, следует отметить, что в распоряжении антиковедов оказывается значительный массив исторических источников, которые позволяют сделать выводы о политическом, военном, культурном, экономическом развитии Тарента, о выдающихся личностях этого полиса – его полководцах, музыкантах, олимпийщиках, философах. Мы в состоянии охватить практически все стороны тарентийской жизни, сделать попытку воссоздания этнической картины окружающих Тарент племен, проследить отношения Тарента как с ними, так и с остальными городами Великой Греции на всем отрезке его независимого существования, вплоть до его завоевания Римом в 272 г. до н.э.

¹⁰ *Doehle A. Op. cit. S. 15.*

¹¹ *Wuilleumier P. Op. cit. P. 10.*

ЛЕУС В.А. (САРАТОВ)

«КЛЯТВА» СЦИПИОНА

Сципион Африканский был великим полководцем, серьезно его военный гений редко оспаривают. Он не потерпел ни одного поражения в битвах, которые вел как главнокомандующий. Сципион одерживал победы над карфагенянами в Испании, в Африке одолел Ганнибала, а в Азии выиграл сражение у Антиоха III Великого. Но есть один эпизод в истории Сципиона, относящийся к началу его военной карьеры, который не получил широкой известности – участие в Каннском сражении и событиях после него.

Как сообщает Ливий, после своего поражения близ Канн римляне из двух лагерей бежали из-под охраны в городок Канузий (XXII.50.4–12, 52.4). Среди бежавших были четыре военных трибуна: Кв. Фабий Максим, Л. Публиций Бибул, П. Корнелий Сципион и Аппий Клавдий Пульхр¹. С общего согласия главное командование было возложено на двух последних (XXII.53.1–3). На пришедшее известие о желании нескольких знатных юношей, во главе с Л. Цецилием Метеллом, покинуть Италию и отправиться ко двору некоего эллинистического царя, быстрее прочих отреагировал «судьбой назначенный быть вождем в этой войне» П. Сципион. Он отправился с немногими сторонниками к Метеллу и, выхватив меч, произнес клятву, что он никогда не оставит Рим и не допустит, чтобы это совершил кто-то другой. А покарать ослушавшихся должен Юпитер Всеблагой и Величайший. Перепуганные заговорщики по-

¹ Q. Fabius Maximus (103) консул 213 г. до н.э.; L. Publicius Bibulus (*4); P. Cornelius Scipio (336) консул 205 и 194 гг. до н.э.; App. Claudius Pulcher (293) консул 212 г. до н.э. О том, что П. Корнелий Сципион занимал должность военного трибуна, известно, помимо нарративных источников, из данных эпиграфики. CIL I.² 1. P. 201: (P. Cornelius P. f.) | Scipio Africanus | cos. bis censor | aedilis curulis | trib. mil.

клялись той же клятвой и сами себя отдали под стражу Сципиону (XXII.53.4–11). Таково изложение Ливия².

Валерий Максим (V.6.7) кратко излагает эпизод, делая упор на благочестие Сципиона, и, по всей видимости, этот материал взят им у Ливия. Если Сципион у Валерия Максима не упоминает при произнесении клятвы никаких божеств, то у Силия Италика в эпический поэме «Пуника» (X.415–448) он ссылается на Капитолийскую триаду божеств (Юпитера, Юнону и Минерву) и богов Италии. Повествование Диона Кассия о Пунических войнах сохранилось не очень хорошо, но фрагмент 15 книги о событиях после Канн дошел до наших дней (fr. 57.28–29). Имена заговорщиков не называются, детали теряются, а роль Сципиона в спасении выживших римлян возрастает. Автор *De viris illustribus* участников заговора называет знаменитейшими юношами (*nobilissimi juvenes*), кроме этого не сообщает ничего нового (49.5). В изложении Орозия сюжет приобретает причудливые черты: сенаторы по побуждению Цецилия Метелла стали обсуждать план бегства из Италии, и только Сципион призвал всех к защите отечества (IV.16.6).

Таким образом, наиболее развернутое и «правдоподобное» изложение предлагает лишь Ливий, последующие авторы в зависимости от характера и замысла своего труда описывают действие вкратце или развивают какую-либо деталь³. Так что в первую очередь следует опираться на данные Ливия.

Основной вопрос – есть ли историческое ядро в этом рассказе Ливия? На самом ли деле участвовал Сципион в Каннском сражении и в событиях после него? Если да, то почему столь немногочисленны свидетельства?

² Откуда черпал сведения сам Ливий достоверно неизвестно. По мнению Р. Эванса, история восходит к «Началам» Катона. См.: *Evans R.J.* Was M. Caecilius Metellus a Renegade? A Note on Livy XXII.53.5 // *Acta Classica*. 1989. Vol. 32. P. 119. См. также: *Klotz A.* Dichtung und Wahrheit in der livianischen Erzählung von der Schlacht bei Cannae // *Gymnasium*. 1949. Bd. 56. S. 58–70.

³ Более подробный обзор источников см.: *Ridley R.T.* Was Scipio Africanus at Cannae? // *Latomus*. 1975. Vol. 34. P. 161–163, *Zimmerman K.* Scipios Eid nach Cannae – eine propagandistische „Retourkutsche“? // *Chiron*. 1997. Bd. 27. S. 472–474.

словны наши источники? Например, отчего Полибий обходит молчанием этот эпизод? Если деятельность Сципиона в этот период – выдумка, то с какой целью и когда создается эта легенда?

Для начала необходимо рассмотреть обстоятельства «заговора Метелла»⁴. Во-первых, насколько реально существование замыслов побега? После такого сокрушительного поражения, каким были для римлян Канны, до мыслей о бегстве один шаг. Но в действительности речь могла идти лишь о пораженческих восклицаниях в кругу друзей, о которых кто-то донес военачальнику, что они будто бы готовят опасный заговор. Во-вторых, неясно личное имя руководителя Komplota. Сам Ливий называет его вначале Луцием (XXII.53.5), затем при упоминании об этом эпизоде Метелл уже фигурирует как Марк или вовсе без имени, хотя речь идет, как кажется, об одном и том же человеке⁵. Кроме того, Валерий Максим именует Метелла Квинтом (V.6.7). Ф. Мюнцер признает существование трех братьев: Луция, Марка и Квинта, первый из которых и был главой заговора⁶. Другие исследователи приписывают появление в источнике имени Луция ошибке рукописной традиции⁷ и признают «виновным» в подготовке к бегству М. Цецилия Метелла⁸. Мнением же Валерия Максима все исследователи пре-

⁴ См.: *Ooteghem J. van. Les Caecilii Metelli de la republique. Brüssel, 1967. P. 45–46, Evans R.J. Op. cit. P. 117–121.*

⁵ В 214 г. до н.э. цензоры М. Ацилий Регул и П. Фурий Фил исключили квестора того года М. Цецилия Метелла из трибы и зачислили в эрарии за подготовку *coniuratio deserendae Italiae* (XXIV.18.3–6), а на следующий год народный трибун Метелл призвал к суду обоих цензоров, но потерпел неудачу из-за противодействия своих коллег (XXIV.43.2, см. также: Val. Max. II.9.7). Наконец, в 209 г. до н.э. М. Метелл (*infamis auctor deserendae Italiae post Cannensem cladem*) оказался среди восьми человек, исключенных цензорами из сената (XXVII.11.12).

⁶ См.: *Münzer F. Caelius (73) // RE. 1897. Bd. 3. Hbd. 1. Sp. 1204, 1229–1230 (Stemma); см. также: MRR. Vol. 1. P. 260. Note 2, P. 264; Seibert J. Hannibal. Darmstadt, 1993. S. 197–198.*

⁷ См., например: *Zimmerman K. Op. cit. S. 475–476.*

⁸ М. Caecilius Metellus (76) плебейский эдил в 208 г. до н.э., городской претор в 206 г. до н.э., в 205 г. до н.э. участвовал в посольстве в Пергам по подготовке переноса в Рим Великой Матери богов, в 196 г. до н.э., возможно, был в

небрегают вследствие последующей внушительной карьеры Кв. Цецилия Метелла⁹, невозможной, очевидно, при таком ее неблагоприятном начале.

Но нас больше интересует фигура П. Корнелия Сципиона, на тот момент 19-летнего военного трибуна. Возраст никогда не был помехой Сципиону для занятия должностей, да и битва при Тицине дала ему некоторый опыт участия в битвах. Именно по причине юного возраста народные трибуны позднее попытаются воспрепятствовать избранию его курульным эдилом (Liv. XXV.2.6–8, ср. также назначение 24-летнего Сципиона проконсулом в Испанию: Liv. XXVI.18–19). Интересно отметить, что об участии Сципиона в самой битве при Каннах ничего неизвестно, он появляется только после ее печального завершения и сразу становится одним из главных действующих лиц. Но его участие в Каннском сражении несомненно. Не стал бы Ливий (или его источник) выдумывать весь эпизод с присягой, если бы Сципиона вовсе не было при Каннах. К тому же Аппиан и Зонара сообщают, что консул Г. Теренций Варрон передал Сципиону командование над бежавшими в Канузий, но вовсе не упоминают «заговор» Метелла (App. *Hann.* 26, Zon. IX.2.1).

Очевидно, что само присутствие при таком унижении Рима воспринималось как что-то лишнее в жизнеописании будущего победителя Ганнибала, а потому было обойдено молчанием многими авторами. Скорее всего, по той же причине об участии Сципиона ничего не сообщает ни Полибий, ни другие современники событий. Греческий историк Полибий, близкий друг Сципиона Эмилиана, был знаком с Г. Лелием, ближайшим соратником Сципиона Африканского, и, несомненно, был очень хорошо осведомлен о

комиссии по установлению новых порядков в Греции. *Münzer F. Caelius* (76) // RE. 1897. Bd. 3. Hbd. 1. Sp. 1205; MRR. Vol. 1. passim.

⁹ Q. Caecilius L. f. L. n. Metellus (81) понтифик с 216 г., плебейский и курульный эдил – 209 и 208 гг. соответственно, начальник конницы 207 г., консул 206 г., диктатор 205 г., а также он участвовал в целом ряде посланнических миссий. *Münzer F. Caelius* (81) // RE. 1897. Bd. 3. Hbd. 1. Sp. 1206–1207; MRR. Vol. 1. passim.

жизни Сципиона. Полибий считал, что все прочие историки изображают П. Сципиона баловнем судьбы, предприятия которого удавались не благодаря расчету, а из-за благосклонности богов (X.2.5–6). Мнение «всех прочих» Полибий пытается оспорить. Он начинает свой рассказ о «едва ли не самом знаменитом человеке прошлого времени» (X.2.2) с битвы при Тицине (218 г. до н.э.), в ходе которой Сципион спас жизнь отцу (X.3.3–7). Следующий эпизод изображает избрание Сципиона эдилом (X.4.1–5.8). В своем изложении Полибий допускает несколько серьезных неточностей. Вполне возможно, что здесь он как раз передает народную молву о Сципионе, а не опирается на подлинные свидетельства¹⁰. И все это, чтобы показать, что не божественное вдохновение, а расчет и умение управлять людьми помогали Сципиону добиться столь существенных результатов. Дальнейшее изложение подтверждает эту мысль – Полибий обращается к штурму Нового Карфагена в 209 г. до н.э.: П. Сципион и на этот раз рассчитал всю операцию до мелочей, а воинам внушил, что план захвата ему во сне подсказал Нептун (X.11.7, 14.12. Ср.: Liv. XXVI.45.9)¹¹. С одной стороны, Каннский сюжет, как яркий пример патриотических убеждений Сципиона, не повредил бы общему портрету героя, но с другой стороны, среди таких важных для Сципиона побед не совсем уместно вспоминать о поражении при Каннах. К тому же, думается, изначально роль Сципиона в раскрытии «заговора» Метелла не была столь уж велика, как ее описывает Ливий, а «пятно» участия в битве при Каннах было вполне весомым, так что Полибию (или Лелию) казалось правильным этот пункт биографии обойти молчанием¹².

¹⁰ По мнению Ф. Уолбанка (НСР. Vol. 2. P. 199), Полибий здесь не утверждает, а скорее намекает на Г. Лелия как на источник сведения, что П. Сципион был избран эдилом. Ср.: Трухина Н.Н. Политика и политики «золотого века» Римской Республики. М., 1986. С. 67; Бобровникова Т.А. Сципион Африканский. Картины жизни Рима эпохи пунических войн. М., 1998. С. 52.

¹¹ См.: НСР. Vol. 2. P. 191–196; Scullard H.H. Scipio Africanus: Soldier and Politician. L., 1970. P. 39–67.

¹² Молчание Полибия исследователи оценивают по-разному. Так, Эд. Мейер считал, что если бы рассказ о присяге был историчным, то Полибий непременно бы его использовал, так как положение Сципиона, по мнению ис-

Кроме нескольких письменных источников и одного эпиграфического в нашем распоряжении находится еще нумизматический материал. Сохранилось несколько экземпляров монеты, отчеканенной в Канузии примерно в конце III – начале II в. до н.э. На аверсе изображена голова юноши, повернутая влево, а на реверсе – всадник на коне, с оборотом направо, под ними надпись: ΚΑΝ(ΥΣ)ΙΝΩ(N). Портрет на лицевой стороне обычно определяют как принадлежащий Сципиону Африканскому¹³. Основной аргумент – сходство с изображением на монете из Нового Карфагена, которая четко датируется 209 г. до н.э. (год взятия города римлянами под руководством Сципиона). Монетная серия Нового Карфагена сохранила прежнее изображение на оборотной стороне монет (лошадь и пальма), а на лицевой стороне впервые в этот год появилось явно римское лицо: прежде портреты носили черты пунийских вождей. Естественно предположить, что это изображение римского лица принадлежит П. Сципиону. По предположению Х. Скалларда, чеканка могла осуществиться даже без приказа самого Сципиона, а по решению руководства монетного двора, чтобы почтить нового правителя¹⁴. Таким образом, изображение портрета Сципиона на монете из Канузии указывает на желание народа Канузия привнести Каннский эпизод в свою местную историю, по-

следователя, более выигрышное в Каннской ситуации, чем в истории с эдилитетом. Рассказ же он называет выдумкой поздних анналистов (*Meyer Ed. Ursprung und Entwicklung der Überlieferung über die Persönlichkeit des Scipio Africanus und die Eroberung von Neukarthago // Kleine Schriften. Halle, 1924. Bd. 2. S. 429–430. Anm. 2*). Р. Броутон называет аргументацию Эд. Мейера спорной, а Х. Скаллард объясняет отсутствие сведений в тексте Полибия плохой сохранностью сочинения (*MRR. Vol. 1. P. 253. Note 5; Scullard H.H. Op. cit. P. 30*).

¹³ *Robinson E.S.G. Punic Coins of Spain and their Bearing on the Roman Republican Series // Essays in Roman Coinage presented to H. Mattingly. L., 1956. Fig. 4. C, D. P. 41–42; Vollenweidwer M.L. Das Bildnis des Scipio Africanus // Museum Helveticum. 1958. 15. S. 37–38. Taf. III. Nr. 2–6, 8–9; Scullard H.H. Op. cit. P. 41. Pl. 2, P. 43. Pl. 16, P. 249. Note 18; Hafner G. Das Bildnis des P. Cornelius Scipio Africanus Maior // Archäologischer Anzeiger. 1972. S. 483. Abb. 12.*

¹⁴ *Scullard H.H. Op. cit. P. 249. Note 18; см. также: Robinson E.S.G. Op. cit. P. 41–43; Vollenweidwer M.L. Op. cit. S. 37.*

святив ему монетную серию. Но на деле доказать, что изображение на монете действительно принадлежит Сципиону, невозможно.

Итак, участие Сципиона в битве при Каннах несомненно, причина отсутствия четких сведений об этом в источниках ясна. К подавлению «заговора» Метелла Сципион или не причастен вовсе, или сыграл в этом деле менее значительную роль, чем об этом передает письменная традиция. Возможно, возникновение легенды принадлежит периоду политического противостояния Сципиона Эмилиана и Метелла Македонского¹⁵. Ситуация соперничества создает идеальный фон для подобного сюжета. Сохранившиеся источники дать окончательный ответ о подлинности «клятвы Сципиона» и времени ее зарождения не могут. То, что Сципион был инициатором выступления против Метелла, утверждает некий анналистический источник, использованный Ливием. Молчание же Полибия отнюдь не означает недостоверности «клятвы».

¹⁵ *Evans R.J.* Op. cit. P. 119. Anm. 12, 13; *Zimmerman K.* Op. cit. S. 481. См. также: *Astin A.E.* Scipio Aemilianus. Oxf., 1967. P. 24, 312–315.

ЯКОВЛЕВА С.В. (САМАРА)

**РИМСКАЯ РЕСПУБЛИКА
И СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЕ ПИРАТЫ
В ПЕРВОЙ ТРЕТИ I В. ДО Н.Э.**

К середине II в.¹ Рим становится сильнейшей державой в Средиземноморье. Однако оставалась значительная трудность, справиться с которой Римскому государству никак не удавалось, – пираты. Во второй половине II – начале I в. средиземноморское пиратство достигает необычайного расцвета. Причиной этого расцвета была та политическая анархия, которая воцарилась в этом регионе после разгрома Римом сильнейших государств – Карфагена, Македонии и царства Селевкидов².

В данной работе предпринята попытка проследить особенности подготовки Рима к антипиратской кампании, оценить качество проведенных операций, а также рассмотреть итоги противостояния Рима и пиратов.

Одним из условий для быстрого распространения морских разбоев по побережьям Средиземного моря послужили происходившие в Италии междоусобные войны со всеми их последствиями, проскрипциями, преследованиями и скитанием изгнанников. А так как за междоусобными войнами последовала еще одна союзническая война, затем невольническая война и перевороты, то морское разбойничество, пользуясь бездействием римских властей, понемногу выросло до значения силы, которая сама себе назвала «плавающее государство» (App. *Mithr.* 92)³.

Основное ядро пиратов составляли киликийцы, народ юго-западного побережья Малой Азии, где и находилась их основная

¹ Здесь и далее все даты до нашей эры.

² Моммзен Т. История Рима. М., 1937. Т. 2. С. 130; Хлевов А.А. Морские войны Рима. СПб., 2005. С. 319.

³ См.: Егер О. Всемирная история. М., 1999. Т. 1. С. 585.

база (Plut. *Pomp.* 24)⁴. На Крите, издавна славившимся отчаянными пиратами, была создана целая держава морских разбойников. Третий район – это Далматия, но здесь, на Адриатическом море, римляне все-таки старались избавиться от таких неудобных соседей⁵. Позднее «к ним присоединились сирийцы, жители Кипра, Памфилии, прибрежных стран Понта – одним словом, почти все восточные племена» (App. *Mithr.* 92)⁶.

Согласно источникам, самое раннее упоминание о столкновении Рима с пиратами можно датировать 102 г. В Киликию был послан значительный флот, состоявший, главным образом, из кораблей подвластных Риму городов, и находившийся под начальством претора Марка Антония, облеченного проконсульской властью (Liv. *Per.* 68)⁷.

Традиционно принято считать, что Антоний командовал флотом, посланным против пиратов в район Памфилии, и не предпринимал операций на суше (Liv. *Per.* 68; Trog. *Prol.* 39). Однако Цицерон упоминает, что Антоний был задержан в Афинах во время своего путешествия в Киликию в качестве проконсула (Cic. *De orat.* I.82), а его офицер претор Гратидиан был убит в Киликии (Cic. *Brut.* V.168). В найденной на Родосе надписи упоминается Авл Габиний, квестор М. Антония, претора Киликии⁸. Все это позволяет предположить, что Антоний выступал против Киликии как на море, так и на суше. Римский флот захватил несколько кораблей и уничтожил часть пиратских гнезд⁹. В результате в Киликийских

⁴ См.: Моммзен Т. Указ. соч. Т. 2. С. 130; Мишулин А.В. Спартак. М., 1950. С. 117.

⁵ Зелинский Ф.Ф. Римская республика. СПб., 2002. С. 375.

⁶ Ormerod H.A. The Campaigns of Servilius Isauricus against the Pirates // JRS. 1922. Vol. 12. P. 36.

⁷ Ibid. P. 35; Sherwin-White A.N. Rome, Pamphylia and Cilicia, 133–70 B.C. // JRS. 1976. Vol. 66. P. 4; Stuart Jones H. A Roman Law Concerning Piracy // JRS. 1926. Vol. 16. P. 167; см. также: Моммзен Т. Указ. соч. Т. 2. С. 130.

⁸ Sherwin-White A.N. Op. cit. P. 8; Абрамзон М.Г. Рим и Киликия: завоевание и романизация // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Казань, 2000. Ч. 1. С. 295.

⁹ Моммзен Т. Указ. соч. Т. 2. С. 130.

водах было создано постоянное командование, из которого впоследствии выросла провинция Киликия¹⁰.

Уже в 100 г., едва преодолев затруднения на западе, римский сенат обратился с призывом ко всем восточным царям и «свободным» городам оказывать помощь римлянам в борьбе с морскими пиратами, препятствовавшими плаванию римских и италийских торговцев. Вслед за этим в 96 г., в ходе борьбы с пиратами римляне оккупировали часть берега Киликии, ранее считавшегося территорией государства Селевкидов¹¹.

Известно, что Сулла предпринял ряд серьезных шагов для борьбы с пиратством. Ведя военные действия в Греции, он понимал, что отсутствие у него достаточно сильного военного флота может помешать ему закрепить достигнутые им уже успехи, и Сулла отправил одного из легатов – Л. Лициния Лукулла – в Египет, чтобы просить у царя Птолемея военные корабли. Пытаясь достичь Александрии, Лукулл потерял часть своих судов в стычке с пиратами (Plut. *Luc.* 2; App. *Mithr.* 26–27)¹². Назначенным Суллой наместником в Азии он оставил поручение снарядить в приморских городах флот против пиратов. Но результаты были невелики. Известно, что Сулла оставил в Азии два легиона, набранных для войны с Митридатом Евпатором еще в 86 г. консулом Л. Валерием Флакком (Memn. 34.1), которые в источниках часто упоминаются как «фимбрианцы». Командование этими легионами Сулла поручил своему легату Л. Лицинию Мурене (Plut. *Luc.* 7)¹³. Официально же Мурена получил от Суллы в управление Киликию, ставшую с этого времени одним из 10 наместничеств, куда посылались проконсулы и пропреторы с полномочиями военного командования¹⁴.

¹⁰ Ormerod H.A. Op. cit. P. 35.

¹¹ Бокщанин А.Г. Парфия и Рим. М., 1999. Ч. 2. Т. 1. Древний мир. С. 24.

¹² Там же. С. 30.

¹³ Мемнон ошибочно говорит о Мурене как о назначенном на этот пост сенатом (Memn. 36.1). См.: Sherwin-White A.N. Roman Foreign Policy in the East (168 B.C. to 1 A.D.). Oklahoma, 1984. P. 149.

¹⁴ Sherwin-White A.N. Lucullus, Pompey and the East // САН². Cambr., 1994. P. 229; Абрамзон М.Г. Указ. соч. С. 297.

Видимо, план кампании против пиратов, предполагавший нападение на них со стороны моря и одновременно с севера на Тавр, разработал сам Сулла¹⁵. В 84 г. Лициний Мурена провел акцию против пиратов. Никаких сведений о ней, кроме самого факта ее проведения, к сожалению, не сохранилось. Действия Мурены не носили крупного масштаба и не привели к успеху (App. *Mithr.* 93; Cic. *Verr.* II.1.86, 89)¹⁶. Тем не менее, к противодействию пиратам Мурена привлек целый ряд греческих городов Малой Азии, получив от них корабли с экипажами (Cic. *Verr.* II.1.90)¹⁷. Возможно, в рамках этой акции Мурена захватывает крупнейший город во Фригии – Кибире, свергает там тиранию Моагета и конфискует значительные земли, принадлежавшие ранее Кибирам, в пользу ликийцев (Strabo. XIII.4.17). Видимо, к этому периоду относится надпись, в которой прославляются подвиги Мурены в борьбе с пиратами¹⁸.

Таким образом, видно, что Мурена нанес удары по пиратам одновременно с суши и моря, но даже эта комбинация не позволила ему добиться решающего успеха. Аппиан отзывается об этих событиях следующим образом: «Мурена попытался вступить с ними [пиратами] в борьбу, но не сделал ничего значительного» (*Mithr.* 93.) Безрезультатность данной антипиратской кампании может быть объяснена как возросшей мощью пиратов, так и не слишком большим желанием Мурены действительно искоренить их. Помимо того, что для римского полководца эта акция, видимо, была важна для того, чтобы поддержать о себе общественное мнение как о борце с пиратством, можно предположить, что Мурена получил от Суллы инструкцию ограничить пиратство, но не уничтожить его полностью¹⁹.

¹⁵ Ср.: Ormerod H.A. Op. cit. P. 36.

¹⁶ Ср.: Sherwin-White A.N. Lucullus, Pompey and the East. P. 229; Т. Моммзен считал, что Мурена предпочел начать войну с Митридатом VI, нежели продолжать военные действия против пиратов (Моммзен Т. Указ. соч. Т. 3. С. 41).

¹⁷ Sherwin-White A.N. Roman Foreign Policy in the East. P. 154.

¹⁸ Гуленков К.Л. Вторая Митридатова война и ее последствия // ШН. М., 2001. Вып. 1. С. 77.

¹⁹ Там же. С. 76–78.

В последующие годы (83–82 гг.) в восточном Средиземноморье царило относительное спокойствие, нарушаемое лишь пиратскими набегами²⁰.

В 80–79 гг. Киликия Трахея входила в состав владений проконсула Гн. Корнелия Долабеллы. Его первой задачей было изгнать пиратов из укрепленных пунктов в Памфилии. Долабелла предпринял ряд действий, подробных сведений о которых, увы, не сохранилось (*Cic. Verr. II.1.73*)²¹.

Проконсулу П. Сервилию Ватию (*Liv. Per. 90; Suet. Caes. 3; Sall. Hist. 1 fr. 56, 127*) вначале сопутствовал определенный успех. В 78 г. он начал жесточайшую борьбу с пиратами, причем существенно изменил стратегию своих действий по сравнению с предшественниками. Помимо флота, в его распоряжении было 4 (по другим данным – 5) легионов²². Сервилий прекрасно понимал, что ощутимых результатов можно достичь в том случае, если военные действия будут перенесены в логово самих пиратов, как можно ближе к их центральным базам. Именно поэтому он избрал своей целью прежде всего Восточное Средиземноморье. Переведя туда свой флот, Сервилий с исключительным упорством и рвением в течение трех лет – вплоть до 76 г. – пытался проводить свою программу. У Фронтинана мы находим описание одного из эпизодов борьбы Сервилия с пиратами: «П. Сервилий отвел реку, из которой брал воду город Исавра, и жаждой принудил неприятеля сдаться» (*Strat. III.7.1*). Он разгромил пиратские флот в нескольких морских сражениях, неоднократно высаживал десанты на побережье, штурмовал и захватил многочисленные укрепленные поселения и порты, крепости и города на принадлежащих пиратам землях в Исаврии, Киликии, Памфилии и Ликийи (*Flog. I.41.4, 5; Liv. Per. 93*). Вклад Сервилия в дело искоренения пиратства был римлянами оценен по

²⁰ Бокщанин А.Г. Указ. соч. С. 34.

²¹ *Sherwin-White A.N. Roman Foreign Policy in the East. P. 154; idem. Rome, Pamphilia and Cilicia. P. 8.*

²² *Ormerod H.A. Op. cit. P. 37; Sherwin-White A.N. Roman Foreign Policy in the East. P. 154.*

достоинству – проконсул получил триумф в Риме и почетное прозвище «Исаврийский».

Однако Сервилий Исаврийский не смог завершить начатого дела. Он не ликвидировал гнездо, но, скорее, разворошил пчелиный улей: активность пиратов после короткого перерыва резко возросла. Они вновь возвращаются в Западное Средиземноморье, опять проникают в Тирренское и Адриатическое моря и проводят ряд набегов на побережье самой Италии (Cic. *Pro lege Man.* XII.33; Dio Cass. XXXVI.5)²³.

Ситуация вновь накалилась. Новым героем войны с пиратами должен был стать М. Антоний (сын М. Антония, проконсула 102 г.). В 74 г. сенат дал ему власть над всеми морскими берегами, находящимися под римским управлением. Его полномочия были определены сенатом как *imperium infinitum aequum*, поскольку полководец не был ограничен каким-то пространством (Vell. Pat. 31; Cic. *In Verr.* II.2.8; III.213)²⁴. Однако действия Антония не оказались удачными: он не был обеспечен необходимым для поставленной обширной задачи количеством денег и судов, да и его самого более интересовало то, что он лично получит в результате этих действий, нежели то, что может выиграть Рим²⁵. К тому же, М. Антоний настолько был уверен в победе, что «вез на кораблях больше оков для пленных, чем оружия» (Flor. I.42.2, 3). С определенным успехом велись действия в западном регионе, по побережьям Сицилии и Испании, но когда Антоний начал борьбу с критскими пиратами, то здесь его постигла неудача. Пятилетние действия против пиратов закончились безрезультатно, более того, флот М. Антония был разбит на

²³ См.: Моммзен Т. Указ. соч. Т. 3. С. 42; Semple E.C. *Pirate Coasts of the Mediterranean Sea* // *Geographical Review*. 1916. Vol. 2. P. 143; Хлезов А.А. Указ. соч. С. 325.

²⁴ Ср.: Boak A.E.R. *The Extraordinary Commands from 80 to 48 B.C.: A Study in the Origins of the Principate* // *The American Historical Review*. 1918. Vol. 24. No. 1. P. 8; Cary M. *The Lex Gabinia Once More* // *CR*. 1924. Vol. 38. No. 7/8. P. 163; Sherwin-White A.N. *Roman Foreign Policy in the East*. P. 157; Stuart Jones H. *Op. cit.* P. 160; Игнатенко А.В. *Древний Рим: от военной демократии к военной диктатуре*. Свердловск, 1988. С. 132–133.

²⁵ Моммзен Т. Указ. соч. Т. 3. С. 66.

море критским флотом, что заставило римлянина заключить с Критом мирный договор (*App. Sic. VI.1*)²⁶. Так ничего и не добившись, Антоний умер на Крите²⁷, о чем сообщает Ливий (*Per. 97*): «Претор Марк Антоний вел без всякого успеха войну с критянами и в конце концов погиб».

В начавшейся войне Понтийского царства с Римом Митридат VI Евпатор активно привлекал пиратов на свою сторону, так как Рим был вынужден отвлекаться от военных действий с понтийским правителем, пытаясь решить пиратский вопрос (*App. Mithr. 92*)²⁸. В результате, пиратские набеги приобретают качественно новый характер. Кроме того, в источниках есть сведения о том, что пираты выступали на стороне спартаковцев. Косвенно это подтверждает Ливий: «Претор Л. Метелл удачно сражается в Сицилии против пиратов» (*Per. 98*), а нам известно, что оставшееся войско Спартака, после того, как он вывел из «бруттийской ловушки» только треть своей армии, пыталось переправиться в Сицилию, а без помощи пиратов, естественно, оно не в состоянии было это сделать²⁹.

В 68 г. проконсул Кв. Цецилий Метелл был отправлен на Крит с заданием ликвидировать это второе по значению после Киликии гнездо пиратов в Средиземном море. В 67 г. он завоевал города Кносс, Ликт, Кидонию и др. (*Flor. I.42.7.4; Oros. 6.3.5; Liv. Per. 98; Vell. Pat. II.33.1*).

В 67 г. по инициативе плебейского трибуна Габиния был принят новый закон, который регламентировал порядок решения проблемы пиратства. На пост главнокомандующего был избран на три года Гн. Помпей. Он был наделен экстраординарными полномочиями, что исходило от комиций и они были предоставлены по предложению плебейских трибунов (*Cic. Pro leg. Man. 34; Sall. Hist.*

²⁶ *Sherwin-White A.N. Lucullus, Pompey and the East. P. 249.*

²⁷ *Моммзен Т. Указ. соч. Т. 3. С. 67.*

²⁸ См.: *Callander T. Inscriptions from Isauria // AJPh. 1927. Vol. 48. No. 3. P. 239; Мишулин А.В. Указ. соч. С. 69; Молев Е.А. Митридат Евпатор. Создание Черноморской державы. Саратов, 1976. С. 65.*

²⁹ См. также: *Мишулин А.В. Указ. соч. С. 120.*

fr. V.II.19; Liv. *Per.* 99; Plut. *Pomp.* 25; App. *Mithr.* 94; Strabo. XIV.3.3; Vell. Pat. II.31.2; Dio Cass. XXXVI.23; Flor. I.41.7; Eutr. VI.12)³⁰.

О приготовлениях Помпея мы имеем достаточно четкое представление. Пожалуй, это единственная антипиратская кампания, наиболее полно отраженная в источниках. Согласно порядкам, утвержденным законом, Помпей получал неограниченную власть над всем побережьем Средиземного моря вплоть до Гибралтарского пролива на западе и побережья Черного моря на востоке. Однако права полководца расширились за счет того, что эта власть распространялась и на прибрежные земли глубиной в четыре тысячи стадий (немногим менее 80 км) от береговой черты³¹. Всем царям и правителям, подчинявшимся римлянам или находившимся в союзе с ними, было отправлено указание всячески содействовать Помпею; ему самому было дано право самостоятельно выбирать себе подчиненных командиров, набирать войско и собирать необходимые для нужд его армии денежные средства. Рим выделял в качестве первоначальной суммы шесть тысяч аттических талантов серебра, достаточно солидные воинские контингенты и все наличные корабли. В результате у Помпея оказалось 500 вымпелов. Кроме того, в его распоряжение давалось 120 тысяч пехотинцев и около пяти тысяч всадников (App. *Mithr.* 94)³². Ему подчинялись, по сведениям Аппиана, 25 легатов (Плутарх приводит несколько другие цифры – 24 легата и 2 квестора), которых Помпей назначил руководить отдельными отрядами, задача каждого из которых была достаточно строго определена (App. *Mithr.* 94; Plut. *Pomp.* 26; Vell. Pat. II.32.4).

Учитывая уроки предшествовавшей борьбы с пиратами, стратегия была полностью пересмотрена. Помпей разделил всю акваторию Средиземного моря на секторы, в каждый из которых на-

³⁰ См.: Boak A.E.R. Op. cit. P. 11; Cary M. Op. cit. P. 164; Stuart Jones H. Op. cit. P. 169.

³¹ Hickson-Hahn F. Pompey's "Supplicatio Duplicata": A Novel Form of Thanksgiving // Phoenix. 2000. Vol. 54. No. 3/4. P. 245; Игнатенко А.В. Указ. соч. С. 132.

³² Хлевов А.А. Указ. соч. С. 326.

значался командующим один из легатов, получая звание претора с соответствующими полномочиями. За собой Помпей оставлял общее руководство и надзор за выполнением его приказаний и качеством несения службы в каждом из созданных им секторов³³. Таким способом пресекалась возможность пиратов к стратегическому маневру: Средиземное море разбивалось на «клетки», бегство с каждой из которых приводило разбойников лишь в руки следующего римского командующего. Принцип повсеместного присутствия «полицейских» сил обеспечил полный контроль над морскими пространствами римскими военно-морскими силами.

Мы располагаем данными о 9 больших секторах Средиземного моря и нам известны имена 13 командующих (App. *Mithr.* 95; Flor. I.41.8–11). Остается не вполне ясным, как распорядился Помпей остальными легатами, находившимися в его подчинении. Высока вероятность того, что эти силы ему даже не потребовались, и он справился с задачей, используя почти половину наличных средств. Во всяком случае, в этом перечне учтены почти все территории Средиземноморского побережья, которые имели хоть какое-то отношение к Риму.

Если исходить из имеющихся данных, то получается, что эскадра каждого сектора состояла в среднем из 35 кораблей. Задача перед всеми командирами была поставлена предельно четко: охранять вверенный сектор, причем не пассивно, а максимально активно, зачищая побережье и острова; и самое главное, перехватывать противника если ему удастся бежать от соседа. Сам Помпей оставил в своем распоряжении эскадру из 60 лучших боевых кораблей с отборными экипажами и морской пехотой. Он собирался использовать этот резерв там, где возникнет необходимость быстро нарастить силы.

Районом собственного патрулирования Помпей определил Тирренское море – наиболее ответственный треугольник между Италией, Сардинией и Сицилией. Это имело и практическое, и

³³ *Sherwin-White A.N. Lucullus, Pompey and the East. P. 249.*

пропагандистское значение: Помпей был не только полководцем, но и честолюбивым политическим деятелем, и он прекрасно понимал, что первоочередной задачей является разблокирование торговых путей, по которым снабжалось хлебом население Италии и самого Рима³⁴.

Разослав своих флотоводцев по назначенным местам, Помпей сам отправился в инспекционную поездку. Сначала он объехал Западное Средиземноморье, что заняло у него 40 дней. Эта поездка сопровождалась интенсивной боевой деятельностью подопечных флотоводца. Затем, после краткого визита в Рим, Помпей отправился на Восток, где также провел 40 дней. Таким образом, система слежения и ликвидации пиратов была налажена им менее чем за 3 месяца (App. *Mithr.* 96; Plut. *Pomp.* 25).

Скорость, с которой Помпей обустроил «новый порядок» на морях, повергла пиратов в панику. В результате они сняли осаду с нескольких городов, которые пытались в это время захватить, и в массе своей расползлись по контролируемым ими гаваням, под прикрытие портовых стен или скал. Фактически уже в ходе инспекционной поездки Помпея море оказалось очищено от пиратов (Oros. VI.4.1; Plut. *Pomp.* 26). Но и его командиры проявляли активную деятельность: они повсеместно устраивали морские облавы и захватывали пиратские корабли поодиночке или по несколько единиц. В местах концентрации разбойников римляне, пользуясь своими солидными и высококвалифицированными контингентами, обрушивались на их базы. Как пишет Аппиан, «Помпею удалось тотчас без сражения очистить море, а разбойников повсюду постепенно его полководцы захватили в плен» (*Mithr.* 95). В результате в течение нескольких недель пиратские форпосты в Центральном и Западном Средиземноморье были ликвидированы.

После этого Помпей отправился в Киликию. Его приготовления были весьма масштабны. Помимо пехоты и конницы, находившихся на кораблях, он заготовил десятки осадных машин и

³⁴ См.: Хлевов А.А. Указ. соч. С. 328–329.

множество приспособлений для организации штурма укреплений. Помпей не сомневался, что встретит ожесточенное сопротивление (App. *Mithr.* 96).

И действительно, наиболее непримиримые главари пиратов решили дать бой неподалеку от своей столицы – Коракесия. Однако в этом сражении, подробностей которого, увы, не сохранилось, пираты были наголову разбиты. Уцелевшие силы пиратов укрылись в горных крепостях. Устрашенные размахом приготовлений Помпея и, самое главное, невиданной прежде в римских командующих решимостью, пираты решили, что, сдаваясь на милость победителя и не отягощая своей вины дополнительным сопротивлением, они гораздо скорее встретят сочувствие у безжалостного римского полководца. Поэтому начался форменный парад капитуляций (App. *Mithr.* 96; Flor. I.41.13, 14)³⁵.

Данные о количественном составе приобретенных Помпеем корабельных трофеев разнятся. Аппиан сообщает, что в ходе операций командиров Помпея на морях был захвачен 71 корабль. В Киликии же Помпей получил сданными без боя 306 кораблей (*Mithr.* 96). Плутарх приводит иные сведения. По его мнению, Помпей захватил 90 судов «с окованными носами» (*Pomp.* 28). Аппиан (*Mithr.* 96) приводит также сведения о якобы уничтоженных 900 недостроенных судах, равно как и о захваченных Помпеем 400 кораблях³⁶. Так или иначе, трофеи впечатляют.

Что касается пиратов, то их судьба была решена следующим образом: Помпей провел своего рода отбор, в результате которого пострадали и были казнены лишь наиболее злостные зачинщики и вожди пиратского движения. Но подавляющее большинство этой публики примкнуло к пиратам отнюдь не по доброй воле. Люди, лишившиеся в силу различных обстоятельств средств к существованию и вынужденные промышлять морским разбоем, получили прощение. Их, по приказанию Помпея, расселили в городках Суровой Киликии, опустевших в результате войн с Митридатом – Ма-

³⁵ Semple E.C. Op. cit. P. 137.

³⁶ Хлезов А.А. Указ. соч. С. 330.

лее, Адале, Эпифании, Солах и ряде других. Некоторые из этих людей были отправлены на поселение в Ахайю, в Димы³⁷.

Чуть позже у Помпея возник конфликт с Метеллом, поскольку тот считал, что «Помпей отнимает у него военную славу, послав на Крит своего легата для принятия сдавшихся городов» (*Liv. Per.* 99), причем Патеркул и Флор по-разному оценивают поведение Помпея³⁸. Ситуацию удалось урегулировать, и год спустя (т.е. в 66 г.) «Квинт Метелл подчиняет римским законам» остров Крит (*Oros.* VI.4.2; *Liv. Per.* 100)³⁹.

Казалось, пиратская проблема была, наконец, решена, и ситуация в Средиземноморском регионе нормализована. Однако в скором времени, когда прошел страх, внушенный «морским диктатором», пираты снова вооружили свои корабли и «открытое пиратство вновь распространилось на море» (*App. Mithr.* 96).

Таким образом, столкнувшись с незнакомой для себя проблемой, римляне первоначально пытались решить ее традиционными методами. И лишь убедившись в их полной неэффективности, внесли принципиальные изменения не только в свою стратегию, но и в принципы организации власти над подвластными территориями.

³⁷ Зелинский Ф.Ф. Указ. соч. С. 377.

³⁸ Патеркул обвиняет Помпея в излишнем стремлении к славе (II.33.2), Флор же объясняет его вмешательство стремлением спасти побежденных критян от жестокости Метелла (I.42.6).

³⁹ Моммзен Т. Указ. соч. Т. 3. С. 100–101.

ОДИНЦОВ Д.С. (САРАТОВ)

ПРОБЛЕМА ЧИСЛЕННОСТИ ПОНТИЙСКОЙ АРМИИ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИТРИДАТОВОЙ ВОЙНЫ

О численности армий Митридата Евпатора, которые участвовали в боевых действиях Первой Митридатовой войны, мы имеем довольно противоречивые данные источников. Но куда более важным является то обстоятельство, что при первом же взгляде эти сведения кажутся совершенно недостоверными. Численность армии Митридата, представленная традицией, поистине огромна, и ее зачастую очень трудно привести в соответствие с описанием военных событий, передвижений войск, битв, которые дают те же самые источники. Из-за неясностей, связанных с численностью войск Митридата, нам трудно судить вообще о противостоянии между Понтом и Римом. Невозможно и реконструировать некоторые сражения той поры без знания состава и количества войск. Но самое главное – без этих знаний мы ничего не можем сказать о мощи Понта, о тех людских ресурсах, которые позволили понтийскому царю четыре десятилетия вести борьбу с Римом.

Первое место по значимости среди источников принадлежит сведениям, сообщаемым Аппианом и Плутархом. Представленные ими числа зачастую принимаются современными исследователями безо всякой критики, хотя эти сведения являются, по-видимому, ошибочными. Указанные античные историки иногда дают повод усомниться в справедливости их собственных слов и, тем самым, построить на их сообщениях совершенно иные предположения. Поэтому некоторые исследователи склонны подвергать данные античных писателей уничижительной критике. Таким образом, есть смысл еще раз рассмотреть, какие данные у нас имеются о численности понтийских войск и насколько они достоверны.

Прежде всего, следует обратить внимание на данные Мемнона, который в общем и целом считается авторитетным информато-

ром по интересующему нас периоду. Источниками для его труда послужили историки Митридатовых войн, о которых упоминает Страбон (XII.7.4). Их пропонтийская ориентация и точные знания очевидны¹. Опираясь на их сведения, Мемнон считает, что у Митридата находилось в распоряжении 190 тысяч пехоты и 10 тысяч конницы (XXXI.1).

В свою очередь Аппиан оценивает общую численность армии в 250 тысяч человек (*Mithr.* 17); ее отдельные подразделения находились под командованием родственников и приближенных царя.

Остальные авторы приводят данные о численности армии Митридата только при описании конкретных событий, не указывая ее общей численности. Плутарх подробно рассказывает лишь о событиях кампании в Греции, поэтому итоговую цифру он не называет, зато мы можем сделать некоторые расчеты на основании его описания битвы при Херонее – ведь там собралась бóльшая часть понтийской армии. Численность ее обозначена в 120 тысяч копий (*Sulla.* 22). Веллей Патеркул также не называет точное число воинов, лишь сообщает, что до осады Суллой Афин и Пирея у Архелая было на марше 200 тысяч воинов (II.23.3). Флор в своем произведении говорит о численности понтийской армии лишь в самых общих чертах: «Митридат с большим войском и силами своего царства...» (I.40.14). Подобные же характеристики содержатся у Саллюстия («огромная армия Митридата» – *Hist.* II.47.7) и Юстина («Пусть только воины смело идут за ним, пусть они сообразят, каких успехов может добиться столь многочисленное войско под предводительством его, Митридата...» – XXXVIII.7.9). В другом месте Юстин говорит, что это воинство было не меньше чем в 100 тысяч человек в общей сложности, как в свое время при столкновении с Ариаратом VII (XXXVIII.1.8). Евтропий, как и многие другие определяет размер посланных в Грецию сил в 120 тысяч

¹ Гуленков К.Л. Дарданский мир: об одном аспекте политики Суллы // Античность: политика и культура. Казань, 1998. С. 58.

(V.6.1), однако после военных потерь в ходе операций Митридат послал стратегу еще 70 тысяч (Eutrop. V.6.3; Oros. VI.2.4; 6). Из этого видно, что существовал резервный корпус войск, и слова Евтропия приближают нас к той цифре, которую предложил Аппиан. 80-тысячное подкрепление во главе с Дорилаем упоминает и Плутарх в биографии Суллы (*Sulla*. 20). Такую же цифру называет Аппиан (*Mithr.* 49). Граний Лициниан конкретизирует: это были 65 тысяч пеших и 15 тысяч конников, прибывших к остатку корпуса Архелая, численность которого после поражения при Херонее составляла около 10 тысяч человек (XXXV.24–25).

Принимая во внимание, что Аппиан (*Mithr.* 41; 45), Плутарх (*Sulla*. 15; 22), Евтропий (V.6.3) и Орозий (VI.2.4–6), описывая битву при Херонее, говорят о войске в 120 тысяч, мы, таким образом, с учетом потерь при Афинах и Пирее получаем армию в 190 – 200 тысяч или даже больше, что достаточно близко к тем данным, что сообщает Мемнон. Число Аппиана и прочих историков кажется преувеличенным, но и приводимым ими сообщениям есть вполне логичное объяснение. Как известно, в Азии Митридат вел борьбу с Флакком и Фимбрией, которые переправились в захваченную им римскую провинцию. Мобилизовать новую армию царь не успел бы в силу нехватки времени, однако отпор, который римляне встретили на Востоке, показывает, что для борьбы с римской консульской армией в понтийском стане были использованы какие-то резервы.

Попытаемся взглянуть на проблему с другой стороны, исходя из косвенных данных. В 41 главе «Митридатики» Аппиан упоминает, что войско Суллы было меньше, чем находящаяся в Греции армия Архелая, более чем в три раза. Но у Суллы вряд ли было меньше 15 тысяч легионеров (App. *Mithr.* 30. Plut. *Sulla*. 16). Таким образом, налицо явное несовпадение того, что Аппиан говорит прямо, и того, что следует из его произвольного упоминания.

Некоторый свет на интересующий нас вопрос могут пролить и сражения Митридата и его полководцев против Никомеда и Мания Аквиллия. Самым значительное среди них разыгралось на реке Амнейон. Как сообщает Аппиан, в рядах воинства Никомеда IV насчитывалось 50 тысяч пехоты и 6 тысяч всадников (*Mithr.* 17). При этом он добавляет, что трое митридатовых командующих отправили небольшой отряд для захвата утеса, создавая тем самым тактическое преимущество в предстоящей битве, которую открыли вифинцы, «намного превосходившее их численностью» (*ibid.* 18). Отметим, что, говоря о той битве, Мемнон определяет численность войска Евпатора так: «Митридат передал стратегу Архелая 40 тысяч пехоты и 10 тысяч конницы, приказав ему предпринять поход против вифинов» (XXXI.1). Таким образом, разница в численности армий составляет примерно 6 тысяч бойцов, что вряд ли можно определить как подавляющее превосходство.

Как мы точно знаем, решающую атаку в битве провели серпоносные колесницы, которые направил Архелай. А.К. Нефёдкин отмечает, что колесницы впервые появились у Митридата в кампании, направленной против его племянника Ариарата, царя Каппадокии в 101/100 г. до н.э. Численность этого эффективного рода войск составляла, если верить традиции, 600 единиц (*Just.* XXXVIII.1.8); однако, по мнению исследователя, эта цифра весьма преувеличена². При всем при том, что войска Никомеда, видимо, и в самом деле были многочисленнее войск Архелая. Первоначально вифинам удалось опрокинуть большую часть понтийской армии, но они ничего не смогли противопоставить стремительной атаке боевых колесниц³. Сплоченное действие понтийских войск и

² Нефёдкин А.К. Происхождение и история серпоносных колесниц // http://www.xlegio.ru/armies/nefedkin/scythed_chariots.htm (сама статья была опубликована в журнале *Para bellum*. М., 2000. № 9).

³ Гуленков К.Л. «Особые подразделения» в армии Митридата VI // МННМА. Сборник научных трудов, посвященный памяти профессора В.Д. Жигунина. Казань, 2002. С. 238.

тактически правильное применение квадриг позволило Архелаю «полностью уничтожить силы Никомеда Вифинского» (Strabo. XII.3.40). Эта битва показала, что даже с относительно небольшими силами понтийцы могли разбить опаснейшего врага.

Обратимся теперь к тем сообщениям о потерях в армиях, которые есть в наших источниках. Плутарх указывает, что в битве при Херонее у Суллы погибло 12 человек, а Архелай потерял свыше 100 тысяч (*Sulla*. 19). Ему вторят и остальные античные авторы (App. *Mithr.* 45; Eutrop. V.6.3; Liv. *Per.* 82; Vell. II.23.3; Oros. V.2.5). Приведенная цифра (видимо, имеющая источником мемуары Суллы) кажется совершенно невероятной.

Согласно Евтропию и Орозию, Архелай отправился в Элладу со 120-тысячным войском (Eutrop. V.6.1–3; Oros. VI.2.4). Согласно Аппиану, Митридат «Архелая... послал в Элладу, поручив ему любыми средствами или добиться дружественных отношений с ней или принудить ее к этому силой. Сам же он с этого времени, поручив большую часть походов своим военачальникам, занимался набором войск, их вооружением» (*Mithr.* 27). В Греции действовали две армии: северная и южная. Ко времени сражения при Херонее Архелай получил в качестве подкрепления войска Дромихета, которые, видимо, состояли из бастранов⁴. Кроме того, часть его войск составляли войска Аркафия, сына Митридата (*ibid.* 41), который после каких-то успешных действий против римлян скончался близ Тисеи (*ibid.* 35).

По сведениям Аппиана, численность армии, предоставленной Малой Арменией, где правил Аркафий, составляла 10 тысяч всадников (*ibid.* 17). Но, согласно Плутарху, Ариарат-Аркафий действовал во Фракии и Македонии с большим войском. После его смерти командование, по всей вероятности, перешло к Таксилу (Plut. *Sulla*. 15; App. *Mithr.* 35). Мы знаем, что войско у Таксила состояло из 110 тысяч пехоты, 10 тысяч всадников и несколько

⁴ Молев Е.А. Митридат Евпатор. Саратов, 1976. С. 59.

десятков серпоносных колесниц. А.Н. Шервин-Уайт принимает, что Аркафий действовал вместе с Таксилем против легиона Сентия, а Македония находилась во власти сатрапов Митридата. Вторжение северной армии понтийцев было неожиданным, поэтому слабые войска римлян попятнулись в Центральную Грецию, куда переправился Архелай. Здесь Бретий Сура, хотя появление еще одной варварской армии было неприятным сюрпризом, смог под Херонеей задержать полководца Митридата. Тем временем Аркафий с Таксилем продвигались дальше, взяв Тисею и наладив коммуникацию с Архелаем, который уже оказался запертым в Пирее⁵.

В общем, если доверять словам Плутарха, то Архелай, у которого после объединения с войсками Таксила, вновь оказалось всего лишь 120 тысяч человек, потерял под Афинами и Пиреем почти всю свою армию⁶. Это, конечно, могло бы вполне объяснить, почему в битве при Херонее Таксил стал ведущим военачальником (Paus. I.20.4) – но само предположение о таких потерях находится за гранью вероятности. Единственные сведения о потерях понтийцев при осаде Афин – это упоминания Аппиана о двух боевых эпизодах, в которых они потеряли суммарно 3,5 тысячи человек (*Mithr.* 32; 34) – цифра вполне реальная.

До боевых действий под Херонеей Архелай участвовал с небольшим отрядом в набеге на Сипил (видимо, имеется ввиду Магнесия на реке Сипиле). Этот город, один из немногих городов, оставшихся на стороне римлян, оказался на осадном положении (*Liv. Epit.* 81), однако в конечном счете предприятие едва не стоило стратегу Евпатора жизни, да и многие варвары из его войска были

⁵ *Sherwin-White A.N. Roman Foreign Policy in the East. 168 B. C. to A. D. I. L., 1984. P. 134–135.*

⁶ Потери Митридата (или, что то же самое, успехи Суллы) достигают невероятных размеров у Веллея Патеркула, согласно которому, «после огромных усилий вблизи многочисленных укреплений порта Пирея» Сулла убил 200 тысяч врагов и не меньше взял в плен (II.23.3).

убиты (Paus. I.20.6). Если Архелай не смог справиться с Магнесией на Сипиле, пусть даже действовал он с небольшим отрядом, то покорить целую страну ему не удалось бы никогда. Все это, как будто, тоже косвенно свидетельствует о том, что силы Архелая были гораздо меньше, чем приписывает ему традиция.

В битве при Херонее, по словам Аппиана, Плутарха и Орозия, погибло 110 тысяч варваров (App. *Mithr.* 45; 49; 54; 59; 174; Plut. *Sulla.* 19; 22; Oros. VI.2.5)⁷. Приблизительно о такой же цифре погибших сообщает Тит Ливий – 100 тысяч (*Epit.* 82). Однако существуют два пассажа, которые могут пролить иной свет на вопрос о численности понтийских сил в битве при Херонее.

По свидетельству Мемнона, после того, как Таксил захватил Амфиополь ему подчинилась вся Македония, а вскоре он соединился с Архелаем. «Соединив войска, он (Таксил – *Д.О.*) и Архелай имели войско в количестве более 60 тысяч человек» (Мемн. XXXII.3). Как видим, эти данные сильно расходятся с данными всех остальных авторов. Мемнон практически ничего не рассказывает о Херонейской битве, тем не менее в его рассказе присутствует такое упоминание: «Когда войны Архелая неорганизованно отправились на сбор продовольствия, Сулла неожиданно атакует вражеский лагерь. Наиболее сильных из захваченных он тотчас убивает, а тех, со стороны которых он не боялся нападения, ставит вокруг этого места и приказывает зажечь огни, чтобы у возвращающихся с фуражировки не было никакого сомнения относительно совершившегося» (*ibid.*). В принципе, о тех же самых событиях мы читаем и у Плутарха: «Враги, которые и без того не слишком послушны своим многочисленным начальникам, из презрения к римлянам перестали соблюдать какой бы то ни было порядок. Лишь небольшая часть их оставалась в лагере, а все остальные в поисках добычи разбрелись на расстояние многих дней пути от

⁷ Евтропий вообще утверждает, что после битвы из понтийской армии остались в живых только десять солдат из 120 тысяч войска (V.6.3).

лагеря» (*Sulla*. 16). Итак, в поисках добычи по окрестностям Херонеи бродит едва ли не вся армия, что плохо вяжется с ее огромной численностью.

Теперь обратимся к данным Страбона. «В этой же местности (близ Херонеи – *Д.О.*) и римляне наголову разбили силы Митридата, много десятков тысяч числом, так что только немногим удалось спастись к морю и бежать на своих кораблях, тогда как остальные либо погибли, либо были взяты в плен» (IX.2.37). Таким образом, конкретных сведений он не сообщает, скрывая число погибших под словами «много» и «множество». Возможно, что это происходит из-за разнобоя в источниках, который не позволил ему выбрать достоверную цифру.

Что касается современных исследователей, то здесь царит такой же разнобой, как и в античной традиции. Одни авторы принимают данные источников⁸, другие подвергают их критике⁹.

Так, Е.А. Молев принимает на веру данные Мемнона. «Основные его (Митридата – *Д.О.*) силы численностью около 150 тысяч человек, располагались в долине Амасии, первой столицы Понта. Ими командовал сам царь. Авангард армии Митридата, под командованием стратега Архелая, располагался у границ Вифинии,

⁸ Молев Е.А. Митридат Евпатор. С. 59–61; *его же*. Властитель Понта. Нижний Новгород, 1995. С. 59–78; *его же*. Встреча Митридата с Марием в плане развития военной доктрины Понта // ААе. Казань; Н.Новгород; Саратов, 2005. № 1. С. 205–209; Ломоури Н. К истории Понтийского царства. Тбилиси, 1979. С. 98; Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. М., 1996. С. 192–205; Габелко О.Л. История Вифинского царства. СПб., 2005. С. 387; Моммзен Т. История Рима. СПб., 1994. Т. 2. С. 207; Magie D. Roman Rule in Asia Minor. Prenceton, 1950. Vol. 1. P. 210, 221; Ballesteros Pastor L. Mithridates Eupator, rey del Ponto. Granada, 1996. P. 89–90; McGing B.C. The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus. Lieden, 1986. P. 85.

⁹ Дельбрюк Г. История военного искусства. М., 1939. Т. 1. С. 352–354; Короленков А.В., Габелко О.Л., Смыков Е.В. Комментарий к переводу Орозия «История против язычников» // ААе. Казань; Н.Новгород; Саратов, 2005. № 1. С. 224; Kromayer J. Antike Schlachtfelder in Griechenland. Berlin, 1907; Hose M. Erneuerung der Vergangenheit. Die Historiker im Imperium Romanum von Florus bis Cassius Dio. Stuttgart; Leipzig, 1994. S. 228.

напротив лагеря Никомеда IV. Он состоял из 40 тысяч легковооруженных воинов и 10 тысяч союзной армянской конницы, которую привел из Малой Армении ее наместник, сын Митридата Аркафий»¹⁰. Рассказывая про битву при Херонее, Е.А. Молев вновь опирается на мнение Мемнона: «численность понтийской армии составила около 60 тысяч человек. Из них 10 тысяч составляли всадники»¹¹. С.Ю. Сапрыкин приводит сведения и Мемнона и Аппиана, но, говоря об общей численности, исследователь подвергает сомнению данные Аппиана, называя их явно завышенными¹². Б. Макгинг принимает обе цифры¹³. О.Л. Габелко, приводя оба варианта численности, отмечает, что какова бы она ни была, она была не меньше численности вифино-римской армии, а качественно явно превосходила ее¹⁴. Д. Маги соглашается с данными Аппиана относительно общей численности армии Митридата, но когда он доводит исследование до битвы при Херонее, то принимает указания Мемнона. Однако, с его точки зрения, армия понтийцев, безусловно, была огромной¹⁵. Л. Баллестерос Пастор отмечает две независимые друг от друга традиции, одна из которых представлена Мемноном, а другая восходит к римскому источнику. Они совершенно разные, и может показаться, что речь при этом идет о номинальной теоретической силе, о совокупности возможностей царства¹⁶. Возможно также, что численность была преувеличена в рассказе, который дошел до нас¹⁷.

¹⁰ Молев Е.А. Властитель Понта. С. 64.

¹¹ Там же. С. 73.

¹² Сапрыкин С.Ю. Указ. соч. С. 200.

¹³ McGing B.C. Op. cit. P. 85.

¹⁴ Габелко О.Л. Указ. соч. С. 387.

¹⁵ Magie D. Op. cit. P. 210; 221.

¹⁶ Ballesteros Pastor L. Op. cit. P. 89–90.

¹⁷ Так, по мнению Н. Ломоури, «...сухопутные силы понтийского царя почти вдвое превышали силы римлян. Правда, возможно Аппиан несколько преувеличивает цифры, в особенности количество войск Митридата» (Ломоури Н. Указ. соч. С. 98).

Определить размер армии попытался в свое время Т. Моммзен: «Рассказывают, что армия Митридата, не считая армянских войск, состояла из 250 тысяч пехотинцев и 40 тысяч всадников, а флот – из 300 понтийских кораблей с палубой и 100 открытых кораблей. Эти цифры представляются не слишком преувеличенными, если принять во внимание, что Митридат мог набирать свою армию среди бесчисленных обитателей степей»¹⁸. Действительно, Митридат постоянно слал подкрепления (App. *Mithr.* 41), помимо Дромихета и его воинов, а затем и Дорилая.

Однако тем мнениям, которые в той или иной степени принимают достоверность источника, существует оппозиция в лице Г. Дельбрюка. Он считает, что римляне, вероятно, «не только качественно, но и количественно имели перевес. Само собой разумеется, что Митридат был настолько умен, чтобы не выводить на поле массы, которые требовали питания и ничего не могли дать взамен. Содержать же способных наемников много лет на военном положении слишком дорого. Громадная армия существовала лишь в фантазии наших источников, в действительности же она представляла собой небольшое войско, не решавшееся до прибытия подкрепления напасть на Рим»¹⁹.

Действительно, цифровые расчеты говорят сами за себя. Плата каждого гоплита составляла от 4 оболов до 1 драхмы, таким образом, на жалование армии Дорилая уходило ежедневно от 9 до 13 талантов серебра. Получается, что, например, дань, получаемая Понтом от Боспора, легко могла быть истрачена за 20 дней²⁰. Состояние Митридата оценивается в 45 тысяч талантов²¹. Если принять численность войск, о которой сообщают наши авторы, то получается, что Митридат должен был выплачивать ежедневно 3,5–

¹⁸ Моммзен Т. Указ. соч. С. 207.

¹⁹ Дельбрюк Г. Указ. соч. С. 353.

²⁰ Молев Е.А. Митридат Евпатор. С. 60.

²¹ Гуленков К.Л. Состояние Митридата VI Евпатора // Новое в истории и гуманитарных науках. М., 2000. С. 166.

4 таланта из расчета 1 драхма на воина, и все его состояние оказалось бы потраченным примерно за четыре года.

Есть еще некоторые основания для недоверия тем цифрам, о которых идет речь. «...Все эти цифры несметных полчищ варваров не стоит принимать всерьез, поскольку они восходит к мемуарам Суллы, естественно, стремившегося преувеличить силы врага и тем приукрасить свою победу. Кстати, число в 110 тысяч убитых персов называется Плутархом в конце рассказа о битве при Иссе (*Alex.* 20), что говорит о ее «нормативности»²². Так же считает и Г. Дельбрюк, сравнивая данные Плутарха: в биографиях Суллы и Мария сведения о численности варваров схожи, да и поведение понтийцев напоминает поведение тевтонов и кимвров²³, из чего мы можем заключить, что это не более, чем образ варваров.

Какова же была реальная численность армии Митридата? Й Кромайер, полагая, что армия Суллы насчитывала 14 – 20 тысяч человек, и ссылаясь на сообщение Аппиана о том, что понтийцев было втрое больше (*Mithr.* 41), определяет численность армии Архелая в Греции в 48 – 60 тысяч воинов, однако и ее считает преувеличенной. В итоге исследователь останавливается на числе не более 40 тысяч, приплюсовывая еще небольшие резервы Дромихета и Дорилая, а также отряд азиатских войск во главе с Митридатом, который впоследствии будет бороться с Фимбрией²⁴.

Итак, мы имеем две противоположные оценки – одну явно завышенную и вторую, скорее всего, несколько заниженную. Какова же все-таки была численность армий Митридата? Действительно, сообщаемая источниками численность войск невозможна, если считать, что это армия одновременно ведет боевые действия. Однако отрицать ее действительно большую численность было бы гиперкритикой. Для того, чтобы прокормить большую армию, у государства было несколько вариантов. Во-

²² Короленков А.В., Габелко О.Л., Смыков Е.В. Указ. соч. С. 224.

²³ Дельбрюк Г. Указ. соч. С. 353.

²⁴ Kromayer J. Antike Schlachtfelder in Griechenland. В., 1907. S. 395–396.

первых, ее можно было содержать за счет государственного бюджета или путем закупки продовольствия у полисов митрида-товой державы. Может быть, именно вследствие этого понтийская монета распространилась по всему Причерноморью²⁵. Во-вторых, армию можно было снабжать по принципу военных поселений, на царских землях или с захватом земли у врага. Так, нам известно, что Митридат, победив хиосцев, разделил их землю среди понтийцев (Метр. XXXIII.1). Наконец, в-третьих, – разместить гарнизон в городе, где войска останавливались на постой, и армию обеспечивали жители. Так поступил, например, Сулла после победы над Митридатом: «Азию же Сулла покарал общим штрафом в двадцать тысяч талантов, а кроме того, наглым вымогательством размещенных на постой солдат разорил чуть не каждый частный дом. Было указано, что домохозяин обязан ежедневно выдавать своему постояльцу по четыре тетрадрахмы и кормить обедом его самого и его друзей, сколько бы тому ни вздумалось привести, а центурион получал пятьдесят драхм в день и одежду – отдельно для дома и для улицы». (Plut. *Sulla*. 25). Если учесть, что армия понтийского монарха была в основном наемная²⁶, то Митридат, скорее всего, выбрал именно умеренную третью позицию. Конечно, города, в которых размещались гарнизоны, воспринимали это как наказание, но первоначально, когда понтийский монарх, заигрывая с эллинами, использовал в своей пропаганде имя Александра Великого, он милостиво относился к побежденным врагам и одаривал пленных. Только после неудачи своей предшествующей политики, когда Митридату пришлось перейти к использованию мер, адресованных социальным низам (передел земли, кассация долгов)²⁷,

²⁵ Максимова М.И. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.; Л., 1956. С. 227.

²⁶ Ломоури Н. Указ. соч. С. 75. В подтверждение этого факта свидетельствует рассказ Страбона (VII.4.8), о выплате дани Понту от Боспора хлебом и серебром. Ни о каких рекрутских пересылках речь не идет.

²⁷ Смыков Е.В. Рим и Митридат Евпатор: война, политика, идеология. Дис. ...канд. ист. наук. Саратов, 1997. С. 92–93.

размещение гарнизонов стало возможным в более или менее широких масштабах.

Азия приняла Митридата без особого восторга; мы знаем, что ему сопротивлялась Магнесия на Сипиле, ликийцы, Табы, Стратоникея, Иония, Ликия, Памфилия, Лаодикея на Лике. На море упорное сопротивление оказал Родос, Эвбея, Делос; трудности возникли у царя с Хиосом. Как видим, Азия потребовала достаточно серьезных военных усилий²⁸. Позицию городов Азии и Греции во время войны лучше всего отображают слова Ливия: «всеобщий страх по городам и островам: некоторые передаются на сторону Митридата, некоторые на сторону римского народа» (*Epit.* 78). Во всяком случае, Мемнон в общем виде сообщает, что одни города Азии сами перешли на сторону царя (προσεχώρου τῷ βασιλεῖ), а другие он захватил (ἠλίσκοιτο – XXXI.3)²⁹.

С.Ю. Сапрыкин считает, что «каждая крепость имела гарнизон царских войск из местных этнических групп и на царских землях Понтийской Каппадокии»³⁰. Полагаясь на старейший, но все же очень авторитетный труд М.И. Максимовой, мы можем считать, что «греческие города при Митридате не имели собственных вооруженных сил, ни сухопутных, ни морских, хотя отдельные граждане, конечно, могли служить в царских войсках, где они растворялись в массе набранных со всех областей Греции наемников»³¹.

В тексте «Митридатики» мы находим несколько упоминаний о гарнизоне (τὸ φρούριον, τὰ τεῖχη, τὰ χωρία, ἡ κατοικία). Митридат поставил гарнизон в Стратоникее и наложил на нее большой

²⁸ Смыков Е.В. Митридат и эллины (к вопросу о позиции греческих полисов во время Первой Митридатовой войны) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и в средневековье. Материалы X международной научной конференции (29.05–3.06.2001). Ростов-на-Дону, 2002. С. 110.

²⁹ Смыков Е.В. Рим и Митридат Евпатор: война, политика, идеология. С. 94.

³⁰ Сапрыкин С.Ю. Указ. соч. С. 230; McGing B. C. Op. cit. P. 85.

³¹ Максимова М.И. Указ. соч. С. 186.

штраф (21), там же указание на то, что Митридат поставил над всеми захваченными племенами сатрапов, которые, естественно, располагали некоей армией. Далее Аппиан пишет: «Митридат считал, что ни один из них (из Сатрапов – *Д.О.*) не сохранит ему верности, если приблизится Сулла. Он забрал себе все их имущество, ввел в города гарнизоны и поставил над этим племенем в качестве сатрапа Эвмаха. Но оставшиеся в живых тетрархи, собрав войско из сельских местностей, тотчас же изгнали его из Галатии вместе с гарнизонами. Таким образом, Митридату удалось получить от галатов одни только деньги» (46). И, наконец, согласно Дарданскому миру, царь должен был вывести гарнизоны из всех укреплений, до этого захваченных им самим или его полководцами (55). Известно, что с уничтожения понтийского гарнизона начался мятеж в Эфесе: «И когда он (Митридат – *Д.О.*) убил, таким образом, тысячу шестьсот человек, эфесцы, устрашенные этим, изгнали его гарнизон и закрыли перед царем ворота. Так же поступили жители Смирны, Сард, Колофона и Тралл» (*Oros. VI.2.8*). Размещались гарнизоны и в Греции: мы знаем, что Сулла освободил от гарнизонов Архелая Эвбею и Беотию (*Flor. I.40.11*).

Опираясь на текст «Митридаттики», можно предположить, что войскам понтийского владыки пришлось приложить усилия, чтобы захватить Вифинию, Каппадокию, Фригию, Памфилию и все государства вплоть до Ионии (17–20); скорее всего, для того чтобы удержать эти территории, понадобились значительные силы гарнизонных войск. Данные о военном захвате азиатских стран присутствуют и у других древних авторов (*Plut. Sulla. 11*; *Memn. XXXI.3*; *Eutrop. V.1–2*; *Oros. VI.2.1–2*). Безусловно, гарнизоны находились в Пергаме (поскольку Митридат сделал его своей резиденцией), Эфесе, Смирне, Сардах, Колофоне, Траллах (*Oros.*

VI.2.8), Митилене, Адрамиттии и Кавне (App. *Mithr.* 23), а также на Коце (ibid; Tac. *Ann.* IV.14)³².

В Греции, очевидно, также находились и войска и гарнизоны понтийского царя. Источники сообщают, что к Архелаю присоединились: Делос (App. *Mithr.* 28; Flor. I.40.8; Strabo. X.5.4; Paus. III.23.3), ахейцы и жители Лаконии, вся Беотия, Эвбея, Деметриада и Магнесия, Скиаф, Пирей и Афины, Фивы, Халкида, Фокида (App. *Mithr.* 28–41), какая-то часть Македонии (ibid. 35). Согласно рассказу Плутарха, можно добавить, что были заняты все Киклады, Фракия, острова по ту сторону мыса Малей, племена до границ Фессалии, Беотия, укрепления между Аконтием и Геделием (*Sulla.* 11–17). Мемнон добавляет к этому списку Эретрию, лакедемонян и Амфиополь (XXXII.1–2). Для того, чтобы контролировать эти центры, разбросанные по всей Греции, скорее всего, также использовались гарнизоны.

Итак, было бы неправильно говорить о силах Митридата, исходя только из численности вступавших в сражение армий. С учетом системы гарнизонов можно несколько повысить те числа, что были предложены исследователями критического направления, и поместить в пределах 70 – 80 тысяч человек, что позволяет назвать армию весьма значительной, и чью численность еще «приумножил» Сулла в своих воспоминаниях, а вслед за ним – и другие античные авторы.

³² Гуленков К.Л. «Эфесская вечерня» // ШН. М., 2002. № 2. С. 110; Смыков Е.В. Рим и Митридат Евпатор: война, политика, идеология. С. 49.

БУГАЕВА Н.В. (МОСКВА)

***DE TEMPORIBUS SUIIS*:**
УТРАЧЕННАЯ ПОЭМА ЦИЦЕРОНА

Публикация этой статьи обусловлена интересом автора к античной традиции о заговоре Катилины, в частности, к недошедшим трудам Цицерона; и именно в данном аспекте мы рассматриваем здесь поэму *De temporibus suis*. Так как отечественные исследователи почти не уделили ей внимания, а большинство зарубежных работ недоступно¹, мы надеемся, что сделанные наблюдения окажутся небесполезными.

Из российских ученых XIX–нач. XX в. к утраченному стихотворному наследию Цицерона обращались только В.И. Модестов и Д.И. Нагуевский², которые были стеснены рамками общего курса по истории римской литературы со значительным уклоном в сторону классической филологии³. Автор единственной отечественной монографии, посвященной заговору Катилины, Г.М. Лившиц приводит информацию о несохранившихся трудах Цицерона – потенциальных источниках сведений о событиях 63–62 гг.⁴ – даже не упоминая поэму⁵. Диссертация П.Б. Гурвича⁶ в интересующей части опубликована не была. Диссертант рассматривал *De temporibus suis* на двух (sic!) машинописных страницах, и в настоящее время методика его работы с письменными источниками неприемлема. Поэтому, на наш взгляд, следует еще раз обратиться к недошедше-

¹ Ссылки на труды европейских филологов XIX в. см. *Нагуевский Д.И.* История римской литературы. Казань, 1911. С. 431 и *Модестов В.И.* Лекции по истории римской литературы. СПб., 1888. С. 265.

² *Модестов В.И.* Указ. соч. С. 251–253, 261–265; *Нагуевский Д.И.* Указ. соч. С. 303–306, 387, 420–431.

³ См. анализ юношеских и переводных поэм Цицерона: *Модестов В.И.* Указ. соч. С. 263–264; *Нагуевский Д.И.* Указ. соч. С. 425–427.

⁴ Здесь и далее все даты до н.э.

⁵ *Лившиц Г.М.* Социально-политическая борьба в Риме 60-х гг. I в. до н.э. и заговор Катилины. Минск, 1960. С. 9–11.

⁶ *Гурвич П.Б.* Античное повествование о заговоре Катилины. М., 1946.

му труду Цицерона. В послереволюционной историографии принято переводить заглавие поэмы как «О своем (моем) времени»⁷. Мы надеемся показать, что предпочтительнее другой вариант интерпретации; и, пока доказательства не приведены, будем употреблять латинское название.

Переписка Цицерона показывает, что в 50-ых гг. он работал над несколькими поэмами. Поскольку комментарии В.О. Горенштейна к единственному русскому переводу писем великого оратора не совсем точны, определим, в каких именно случаях Цицерон говорил о работе *De temporibus suis*. В июне 54 г. М.Туллий желает добиться благосклонности Цезаря, воюющего в Британии. Он пишет брату Квинту, легату последнего, о стремлении наверстать упущенное: «Так [и] я, из-за того, что столь долго проспал в изъявлении должной почтительности к тому человеку (Цезарю – Н. Б.) <...> исправляю [свою] медлительность бегом как коней, так даже – поскольку ты пишешь, что наша поэма им одобряется (*quoniam scribis poeta ab eo nostrum probari*) – поэтических квадриг. Только дайте мне Британию, чтобы я описал ее твоими красками, моей кистью» (*Q. fr.* II.13.2). Слова Цицерона можно понимать двояко. Либо Цезарь уже прочел некую поэму⁸ и одобрил ее, из-за чего Отец Отечества решил взяться за новую тематику; либо Г. Юлий предварительно одобрил замысел поэмы о себе, и тогда имеется в виду лишь одно сочинение. В связи с этим большую важность приобретает сентябрьское письмо брату: «Все мои книги, которые ты ждешь, я начал, но за эти дни не могу завершить <...>. Поэму, [обращенную] к Цезарю, к которой приступил, я оборвал (*poeta ad Caesarem, quod institueram, incidi*)» (*ibid.* III.1.11). И почти в самом конце: «Я думаю включить во вторую книгу [поэмы] *De temporibus suis* дивную интермедию (*mirificum ἐμβόλιον cogito in secundum librum*

⁷ Ковалев С.И. Марк Туллий Цицерон // Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. М., 1994. Т. 1. С. 392. Горенштейн В.О. Примечания // Письма... Т. 1. С. 481. Прим. 1 к письму СXXXII. Авторы XIX–нач. XX в. предпочитали название поэмы не переводить. См. Нагуевский Д.И. Указ. соч. С. 428. Ср. Модестов В.И. Указ. соч. С. 265.

⁸ Горенштейн В.О. Указ. соч. С. 489. Прим. 4 к письму СXXXVIII.

teorum temporum includere) – [пророчество] Аполлона, говорящего в совете богов, каким будет возвращение двух императоров, из которых один погубит войско, другой продаст» (*ibid.* III.1.24). Подразумевались заклые враги – консулы 58 г. Л. Кальпурний Пизон и А. Габиний. В.О. Горенштейн полагает, что в обоих случаях речь идет исключительно о *De temporibus suis*⁹.

Можно допустить, что мысли Цицерона вернулись назад, однако зачем вставлять в восхваляющую Цезаря поэму резкий выпад против личных противников? Чтобы подчеркнуть контраст? Почему тогда в форме пророчества¹⁰? Мы помним желание великого оратора описать Британию красками, позаимствованными у брата (*ibid.* II.13.2). А по прочтении одного из писем Квинта Цицерон восклицал: «Каким приятным для меня было твое письмо из Британии! Я страшился Океана, страшился берега острова. <...> Я вижу, что ты имеешь превосходную тему для описания (*te vero ὑπόθεσιν scribendi egregiam habere video*). Какие географические условия, какую природу, какие нравы, какие племена, какие битвы, а какого самого военачальника ты имеешь [чтобы описать]!» (*ibid.* II.15.4). Мы полагаем, что таким образом М. Туллий дал набросок и своей поэмы о британском походе. Вставка о Габинии и Пизоне была бы здесь излишней.

Переписка позволяет проследить различные стадии работы над поэмой, адресованной Цезарю. В ноябре – нач. декабря 54 г. Цицерон продолжает трудиться над ней: «Ты велишь мне завершить эту начатую поэму, [обращенную] к нему (*quod me institutum ad illum poeta iubet perficere*) <...> поскольку Цезарь узнал из письма, которое я послал тебе, что я кое к чему приступил (*me aliquid esse exorsum*); я вернусь к начатому и закончу (*revertar ad institutum idque perficiam*) в эти предоставляющие досуг дни умиловительных молебствий» (*ibid.* III.8.3). А в декабре 54 г. сочинение завершено: «Каковой ты побуждаешь меня закончить, я закончил приятный –

⁹ Горенштейн В.О. Указ. соч. С. 495. Прим. 24 к письму CXLV.

¹⁰ Возвращение Пизона и Габиния уже состоялось. Прорицание имело смысл лишь в том случае, если поэма затрагивала более ранние события.

по крайней мере мне так кажется – эпос, [обращенный] к Цезарю (*quod me hortaris, ut absolvam, habeo absolutum suave* <...> ἔπος *ad Caesarem*)» (ibid. III.9.6). Отечественные издатели переписки продолжают считать, что Цицерон подразумевал *De temporibus suis*¹¹; однако он явно имел в виду британскую поэму¹².

Столь долгий экскурс в область хронологии оправдан необходимостью показать: Цицерон начал писать о походе Цезаря летом, а закончил около декабря 54 г. В конце года М. Туллий ждет надежного посланца в Галлию, чтобы передать свой эпос (ibid. III.9.6). Следовательно, отзыв Цезаря, о котором упоминается в письме за август 54 г., не может относиться к поэме о Британии. Он известен нам со слов Цицерона, спрашивающего брата: «Какого отношения <...> к нашим стихам (*quo modo* <...> *de nostris versibus*) Цезарь? Ведь он ранее написал мне, что прочитал первую книгу (*primum librum se legisse*), и начало такое, что он говорит, что [никогда] не читал лучше даже по-гречески (*prima sic ut neget se ne Graeca quidem meliora legisse*), прочее [же вплоть] до некоего места слишком небрежное¹³ (*reliqua ad quendam locum* ῥαθυμότερα). Он использует [именно] это слово (*hoc enim utitur verbo*). Скажи мне правду: неужели ему не нравится либо предмет, либо характер [повествования] (*num aut res eum aut χαρακτήρ non delectat*)?» (ibid. II.15.5). Подчеркнем, что Цицерон всерьез рассматривает обе возможности, и это дополнительный довод против кандидатуры поэмы о Британии. Едва ли

¹¹ Горенштейн В.О. Указ. соч. Т. 1. С. 502. Прим. 4 к письму CLIV; ср.: Розенблюм Н.Г. Указатель собственных имен // Письма... Т. 3. С. 806.

¹² Тема похода в Британию еще дважды присутствует в письмах Отца Отечества в связи с некими стихами (*Q. fr.* II.15.4; III.4.4). Однако нет полной уверенности, что обсуждаются именно наброски *Ad Caesarem*. Настораживает подчеркивание братской помощи и отсутствие каких-либо свидетельств, что стихи предназначались для более широкой аудитории. Возможно, речь идет об эпосе, над которым работал Квинт Цицерон (*Нагуевский Д.И.* Указ. соч. С. 442; *Грабарь-Пассек М.Е.* Цицерон // История римской литературы. М., 1959. Т. 1. С. 200).

¹³ В.О. Горенштейн переводит «менее продуманное» (Указ. соч. Т. 1. С. 283). Мы ориентируемся на перевод данного места в «Греко-английском лексиконе» Г. Лидделла и Р. Скотта.

речь шла об одной из давних юношеских или известных нам лишь по заглавию поэм М. Туллия¹⁴. Их гипотетическое содержание тоже не соответствует отзыву Цезаря и опасениям великого оратора. Таким образом, выбирать следует между «О своем консульстве» (61–60 гг.) и *De temporibus suis*¹⁵.

Едва ли имелся глубокий смысл посылать на край света стихи, которые Цезарь читал шесть лет назад¹⁶. Кроме того, сам предмет *De consulatu suo* плохо отвечал текущим задачам Цицерона. Переисполненная самовосхваления поэма не способствовала сближению, и великий оратор уже имел горький опыт переписки с Помпеем (*Schol. Bob. ad Cic. Pro Planc.* р. 270). Следовательно, предпочтительнее исходить из предположения, что Цицерон отправил именно *De temporibus suis*¹⁷. Античная традиция о ней весьма скудна, однако кое-что проясняет эпистолярное наследие Цицерона за 56–54 гг. Особый интерес представляет послание к историку (а некогда сопернику на консульских выборах) Л. Лукцею. В июне 56 г. тот заканчивал рассказ об италийской и гражданской войне (*Cic. Fam. V.12.2*), собираясь, видимо, продвигаться дальше в хронологической последовательности. Цицерон предлагал ему немедленно

¹⁴ Поэтическое наследие Цицерона было довольно обширно. К 54 г. до н.э. помимо *De consulatu suo* существовали «Главк Понтийский» (*Plut. Cic.* 2), «Аратея» – относящийся также к очень молодым годам перевод греческой поэмы (*Cic. De nat. deor.* II.104), *Prognostica* – еще один перевод из Арата (*Cic. Att.* II.1.11) и *De temporibus suis*. Возможно, к юношескому возрасту относится поэма «Марий», упомянутая в мае 45 г. до н.э. (*ibid.* XII.49.1). Нам ближе точка зрения В.И. Модестова (указ. соч. С. 264) и М.Е. Грабарь-Пассек (указ. соч. С. 179), нежели немецких филологов XIX в., датирующих стихи 54 г. до н.э. (*Нагуевский Д.И.* Указ. соч. С. 429). «Марий» скорее был плодом восхищения молодого человека своим земляком, нежели желанием угодить «Цезарю, питавшему тоже расположение к народным массам», что и прежний «руководитель народной партии» (там же). Об этих и о других известных только по названию поэмах Цицерона см.: *Нагуевский Д.И.* Указ. соч. С. 429–430; *Модестов В.И.* Указ. соч. С. 264.

¹⁵ В декабре 54 г. до н.э. Цицерон говорит о ней как о давно законченной (*Fam.* I.9.23).

¹⁶ В этом вряд ли можно усомниться – *De consulatu suo* представляло для него интерес и как для политика, и как для образованного человека.

¹⁷ *Горенштейн В.О.* Указ. соч. Т. 1. С. 493. Прим. 8 к письму CXIV.

приступить к отдельному труду о своих деяниях, причем снабжал Лукция приблизительной схемой повествования. Желательно было охватить «события от начала заговора до нашего возвращения (*a principio <...> coniurationis usque ad reditum nostrum*)» (ibid. 4), порицать заслуживающее порицания и восхвалять достойное восхваления (ibid.). М. Туллий хотел, чтобы отмечались «вероломство, козни и предательство многих (*multorum <...> perfidiam, insidias, proditorem*)» (ibid.) по отношению к нему. Наконец, открыто задавался лейтмотив труда историка: «изменчивая и претерпевающая резкие смены взлетов и падений жизнь выдающегося человека часто вызывает восхищение, ожидание, радость, душевные тяготы, надежду, страх (*virī saepe excellentis ancipites varique casus habent admirationem, expectationem, laetitiam, molestiam, spem, timorem*); если же они завершаются примечательным концом, душа наполняется приятнейшим наслаждением от чтения (*si vero exitu notabili concluduntur, expletur animus iucundissima lectionis voluptate*)» (ibid. 5). Временные рамки, указанные в письме, позволяют предположить, как эта схема реализовалась бы применительно к Цицерону. В основе всего, видимо, должен был лежать контраст: выдающаяся личность, ее великие деяния, постигшая катастрофа, бедствия и торжество справедливости – триумфальное возвращение вкупе с обретением прежнего высокого положения¹⁸.

Не совсем ясно, написал ли Лукцей о событиях 63–57 гг.; вроде бы он согласился исполнить просьбу (Cic. Att. IV.6.4). Но обычно считается, что Цицерон не получил желаемого, основываясь на фразе «Если я этого не добыю от тебя [просьбами], <...> я буду, возможно, вынужден сделать то, что некоторые часто порицают: напишу о себе сам, однако по примеру многих и славных мужей (*cogar fortasse facere quod non nulli saepe reprehendunt: scribam ipse de me, multorum tamen exemplo et clarorum virorum*)» (Fam. V.12.8) и на факте

¹⁸ М. Грант сравнивает труд, увидеть который желал Цицерон, с элогием и энкомием (Grant M. The Ancient Historians. N. Y., 1970. P. 178).

существования поэмы *De temporibus suis*¹⁹. Примечательно, что в письме к Лукцею Цицерон выражал готовность в случае согласия «завершить записки обо всех событиях (*conficiam commentarios rerum omnium*)» (*ibid.* 10). В апреле 55 г. (т.е. почти год спустя) великий оратор просит Аттика дать историку некую «нашу книгу (*nostrum librum*)» (*Att.* IV.11.2). В.О. Горенштейн видит в ней «сочинение Цицерона о своем консульстве»²⁰. Но – если он прав – какое именно? *Commentarius*, Ὑπόμνημα или поэму *De consulatu suo*, написанные пятью годами раньше, которыми должен был располагать пишущий современную историю образованный человек и активный политический деятель? Стихотворный труд *De temporibus suis* или вариант «Изложения своих замыслов»? Данный вопрос выходит за рамки статьи, сейчас важно другое: уже в середине 56 г. Цицерон имеет концепцию рассказа о событиях 63–57 гг., пишет какие-то записки²¹. Не исключено, что на момент обращения к Лукцею это были черновые наброски. Как бы то ни было, Цицерон, видимо, реализовывал здесь схему, изложенную в письме.

¹⁹ Либо потому что «не успел включить в свою историю союзнической и гражданской войны его деяний» (*Нагуевский Д.И.* Указ. соч. С. 428), либо потому что не захотел (*Grant M.* *Op. cit.* P. 178). Однако, как правильно замечают М. Гриффин (*Griffin M.* *The Intellectual Developments of the Ciceronian Age // САН*². *Cambr.*, 2001. Vol. 9. P. 711) и М. Лэйстнер (*Laistner M.L.W.* *The Great Roman Historians.* Berkeley, 1963. P. 33), речь изначально шла о самостоятельном труде средних размеров (*Cic. Fam.* V.12.2; 4) и Цицерон писал Аттику о Лукции: «Побуди его поторопиться и поблагодари за то, что он написал мне в ответ, что сделает так [как я просил] (*quod mihi se ita facturum rescripsit agas gratias*)» (*Cic. Att.* IV.6.4). Вряд ли корректно сравнивать поведение Лукцея с прямым отказом Посидония (*Grant M.* *Op. cit.* P. 178; ср.: *Griffin M.* *Op. cit.* P. 712).

²⁰ *Горенштейн В.О.* Указ. соч. Т. 1. С. 484. Прим. 8 к письму СХХV.

²¹ М. Гриффин считает, что это был скупой перечень фактов, без литературных украшений – опора сюжетной канвы (*Griffin M.* *Op. cit.* P. 712). Доказать обратное невозможно, хотя было бы соблазнительно связать «нашу книгу» с обещанными записками. Однако исследовательница явно не права, полагая, что «схожий набросок на греческом был послан в 60 г. Посидонию» (*ibid.*). Цицерон четко говорит, что опрaвленнoе на Родос сочинение было написано со всей старательностью и весьма изысканно (*Att.* II.1.1).

Мы считаем, что первое упоминание о поэме *De temporibus suis* приходится на ноябрь 56 г. (*ibid.* IV.8b.3)²². Какую-то редакцию читал в феврале 55 г. Квинт Цицерон (*Cic. Q. fr.* II.7.1), а к концу сентября 54 г. относятся слова об интермедии в виде пророчества Аполлона (*ibid.* III.1.24). Поскольку они допускают толкование «сделал вставку, дополнил», похоже, что Цезарь держал в руках вариант без предсказания о позоре Габиния и своего тестя, хотя композиционно и стилистически заверченный. Важно, что в декабре 54 г. Цицерон говорит о стихах как об уже давно (*iam pridem*) написанных (*Fam.* I.9.23). Он отвечает на просьбу П. Корнелия Лентула Спинтера прислать труды, законченные после отъезда последнего в провинцию. Известно, что Спинтер отсутствовал в Риме уже в январские иды 56 г. (*ibid.* I.1.3). Таким образом примерное время работы Цицерона над поэмой – вторая пол. 56 г.²³ – первая пол. 54 г.²⁴

²² Горенштейн В.О. Указ. соч. Т. 1. С. 480. Прим. 11 к письму СХVII.

²³ Как известно, великий оратор вернулся из изгнания в сентябре 57 г. до н.э. Первое время он был занят решением «жилищного вопроса» (см.: *Cic. Pro domo sua*) и первостепенными проблемами. Наиболее ранние выступления в суде – речи «За Сестия», «За Целия» – приходится на весну 56 г. до н.э., так что едва ли Цицерон активно работал над поэмой до этого времени. С другой стороны, в июне 56 г. до н.э. М. Туллий как минимум начал писать «записки обо всех событиях» (*Cic. Fam.* V.12.10), а в ноябре обращается к Аттику по поводу «страстно жаждущей ускользнуть» поэмы (*Att.* IV.8b.3). Ср. датировку В.О. Горенштейна: Цицерон приступил к работе над поэмой в 55 г. до н.э. (Указ. соч. Т. 1. С. 481. Прим. 1 к письму СХХII).

²⁴ Цицерон спрашивает брата о реакции Цезаря в августе 54 г. до н.э. (*Q. fr.* II.15.5). До этого Отец Отечества отправил поэму в Британию и успел получить ответ (*ibid.*). Хронологически допустимо, что стихи, о которых говорится как об одобренных Цезарем (*ibid.* 13.2), были именно *De temporibus suis*. Обратим внимание, что в письме *Q. fr.* II.15 великий оратор упрекает Квинта за некую скрытность, т.е. уточняет сообщенную ранее информацию. Ср. датировку Д.И. Нагуевского: поэма была издана (*sic!*) в конце 54 г. до н.э. (указ. соч. С. 428); В.И. Модестова: стихи написаны в 55 г. до н.э. (указ. соч. С. 265), и Э. Мартини: 54 г. до н.э. (*Мартини Э.* История римской литературы. СПб., 1913. Ч. 1. С. 296). М. Гриффин вслед за рядом зарубежных авторов полагает, что Цицерон думал о посмертной публикации поэмы (*op. cit.* P. 712. Note 126). Однако из приведенных цитат – очень двусмысленной из *Cic. Att.* IV.8a.3 и анализируемой нами далее из *Cic. Fam.* I.9.23 – это не следует.

М. Туллий выражает готовность прислать «в стихах три книги *De temporibus meis* (*versibus tres libros de temporibus meis*)» (ibid. I.9.23); следовательно, никаких сомнений относительно количества частей в поэме быть не может²⁵. Согласно великому оратору, Аполлон приносит свое пророчество в совете богов (*in concilio deorum*) (*Q. fr.* III.1.24), а брат читал речь Юпитера, видимо, произнесенную тогда же (ibid. II.7.1). Известно, что в автобиографическом стихотворном труде «О своем консульстве» значительное место занимали монологи муз (*Cic. De div.* I.17; *Att.* I.3.4). Теперь автор вывел в качестве действующих лиц богов-олимпийцев. Поскольку их совет засвидетельствован именно в связи с *De temporibus suis*, правомерно отнести сохраненные античной традицией насмешки врагов Цицерона в первую очередь к этой поэме. Так псевдо-Саллюстий язвительно говорит, что «Юпитер Наилучший Величайший допустил [М. Туллия] в совет богов (*in concilio deorum admisit*)» (*Inv. in Cic.* 7). Квинтилиан называет предметом постоянных нападок «того Юпитера, которым [Цицерон] призывается в совет богов (*in concilium deorum advocatur*)» (*Orat.* XI.I.24). К сожалению, из переписки Отца Отечества нельзя составить представление о речи Юпитера. В.О. Горенштейн считает, что тот «советует поэту предпочесть политике занятия литературой и философией»²⁶. Нам данная гипотеза кажется маловероятной, если исходить из схемы, предложенной в письме к Лукцею, а также слов псевдо-Саллюстия: «Цицерон говорит, что он был в совете бессмертных богов, оттуда был послан как страж этому городу и гражданам, а не под именем палача (*se Cicero dicit in concilio deorum immortalium fuisse, inde missum huic urbi civibusque custodem absque carnificis nomine*)» (*Inv. in Cic.* 3)²⁷. «Заключение (καταλείς)» Каллиопы

²⁵ Ср.: Гурвич П.Б. Указ. соч. С. 82–83. Подчеркнем, что все доступные нам издания единодушны в чтении числа «три», в то время как письмо Квинту дошло в испорченном виде.

²⁶ Горенштейн В.О. Указ. соч. Т. 1. С. 481. Прим. 1 к письму СХХII.

²⁷ Отметим, что в комментированных изданиях «Инвективы» возможные аллюзии к *De temporibus suis* не рассматриваются; внимание акцентируется на близости мотивов псевдо-Саллюстия к сохранившимся речам Цицерона (Горенштейн В.О. Примечания // Г. Саллюстий Крисп. Сочинения. М., 1981.

из третьей книги «О своем консульстве» также содержало напутствие продолжать идти путем доблести (Cic. Att. II.3.4). Вероятно, речь Юпитера была выдержана в подобном духе.

Вернемся с небес на землю: какие люди и какие события упоминались в *De temporibus suis*? На этот счет высказывались самые разные мнения²⁸. Единственный имеющийся ориентир – слова самого автора. Цицерон пишет П. Корнелию Лентулу Спинтеру, в консульство и при содействии которого вернулся из изгнания: «Я также написал в стихах три книги *De temporibus meis* (*versibus tres libros de temporibus meis*), которые уже давно (*iam pridem*) послал бы тебе, если бы полагал, что их следует издать (*si esse edendos putassem*). Ведь они являются и будут [являться] вечными свидетелями твоих заслуг по отношению ко мне и моей преданности (*meritorum erga me tuorum meaeque pietatis*). Я боялся не тех, кто счел бы себя оскорбленным (ведь я это сделал мягко и щадяще) (*verebar, non eos, qui se laesos arbitrarentur – etenim id feci parce et molliter*), но оказавших мне услуги, называть которых было бы делом бесконечным (*eos quos erat infinitum bene de me meritos omnis nominare*)» (Fam. I.9.23). Полностью доверять автору этих строк нельзя, ведь вставка о Габинии и Пизоне уже имела место, да и отзыв Цезаря был двусмысленным. Обратим, однако, внимание на следующее: заслуги Лентула Спинтера состояли прежде всего в помощи изгнаннику Цицерону. Значит, *De temporibus suis* включала в себя рассказ об изгнании и возвращении сочинителя, т.е. о 58–57 г. Можно осторожно предположить, что, поскольку

С. 207. Прим. 12, 13, 29, 30; Kurfess A. Appendix Sallustiana. Lipsiae, 1958. Fasc. 2. P. 3. Anm. 7, 8). С поэтическим наследием оратора связываются лишь две цитируемые (Pseudo-Sall. Inv. in Cic. 5; 6) строки (Kurfess A. Op. cit. P.3. Anm. 5; P. 5. Anm. 12) и подтверждаемые свидетельством Квинтилиана образы Юпитера и Минервы.

²⁸ *De temporibus suis* служила продолжением поэмы «О своем консульстве» (Мартини Э. Указ. соч. С. 296); прославляла деяния Цицерона в 63 г. до н.э. (Sikes E. E. Literature in the Age of Cicero // САН. Cambr., 1932. Vol. 9. P. 744); охватывала жизнь Цицерона вплоть до возвращения из изгнания (Гурвич П.Б. Указ. соч. С. 82–83); в поэме «описывались обстоятельства, связанные с изгнанием и последующие события» (Горенштейн В.О. Примечания // Письма... Т. 1. С. 477. Прим. 17 к письму СХII).

выпад против врагов принял форму пророчества, события 55–54 гг. выходили за намеченные хронологические рамки.

Задеты, видимо, были те, кто – как Пизон и Габиний – приложили руку к изгнанию или не оказали должной помощи. Согласно античной традиции, участь оратора в значительной степени определило поведение триумвиров – Помпея, Красса и Цезаря (Plut. *Pomp.* 46; *Caes.* 14; *Cic.* 30–31)²⁹. Поэтому последнему мог не понравиться как предмет, так и характер повествования. Даже если Цицерон действительно затронул эту тему «мягко и щадяще», сам сюжет поэмы и образ главного героя – наилучшего консула, безвинного страдальца, стойко перенесшего тяжкие испытания и достойно за них вознагражденного – вызвали бы у Цезаря целую гамму негативных чувств. Следовательно, вовсе не обязательно предполагать здесь намеки на его участие в заговоре. Интересно, что уже после чтения Г. Юлием поэмы Цицерон пишет, что не считает нужным издать *De temporibus suis* (*Fam.* I.9.23). Чтобы ознакомить благодетеля с новым трудом он дожидается надежного человека (*si quem cui recte commitam invenero* – *ibid.*). Таким образом, поэма вращалась в очень узком кругу, отсутствуя в открытой продаже, и возникает вопрос: не отзыв ли из Британии обусловил окончательное решение Цицерона? П.Б. Гурвич рассматривает факт знакомства Цезаря с *De temporibus suis* как свидетельство того, что «поэма была написана в дружественном к триумвирам духе»³⁰. Мы попытались доказать обратное, но как тогда объяснить действия Цицерона? Если он подозревал, что может вызвать недовольство адресата, зачем посылал ему стихи? Возможно, инициатива исходила от самого автора, не осознававшего последствий в полной мере. Однако интереснее другой вариант: «предложение, от которого нельзя отказаться», сделал читатель. Намечалось сближение с Цицероном (*Cic. Q. fr.* II.13), в чем последний был весьма заинтересован, и Цезарь мог

²⁹ О враждебных отношениях Цезаря и Цицерона в 59–58 гг. до н.э. см.: Suet. *Div. Iul.* 20.4 и Dio Cass. XXXVIII.10.

³⁰ Гурвич П. Б. Указ. соч. С. 82.

вежливо потребовать экземпляр поэмы, о существовании которой знал.

При современном состоянии источниковой базы едва ли можно реконструировать композицию *De temporibus suis* и на основе этого делать выводы о месте, которое отводилось в ней тому или иному эпизоду³¹. Более перспективен, на наш взгляд, другой путь: изучение творчества³² и переписки Цицерона, прежде всего за 56–54 гг. Попробуем исходить из того, что письмо к Лукцею в значительной степени отражает содержание и идейную направленность как записок (*Cic. Fam. V.12.10*), так и хронологически близкой поэмы. Цицерон просил историка написать о заговоре (*ibid.* 2; 4). Однако сам он не акцентирует внимание на нем; скорее он хочет, чтобы Лукцей реализовал более широкий замысел. Цицерон подчеркивает «разнообразие обстоятельств и чередование фортуны (*temporum varietates fortunaequae vicissitudines*)» (*ibid.* 4), «претерпевающую резкие смены взлетов и падений жизнь выдающегося мужа (*viri*

³¹ Нам известно лишь общее число книг в поэме, отзыв Цезаря в передаче Цицерона и то, что во второй книге действие разворачивалось в совете богов, на котором произносили речи Аполлон, Юпитер (если *Q. fr.* II.7.1 восстанавливается как *librum II*), возможно, Минерва (*Quint. Orat. XI.I.24*; ср. *Pseudo-Sall. Inv. in Cic.* 7). П.Б. Гурвич считает, что *De temporibus suis* включала в себя 2 (*sic!*) книги; вся первая была посвящена периоду до 63 г. до н.э., вторая – консулату, изгнанию и возвращению (указ соч. С. 82–83). Не говоря уже о явной ошибке в количестве частей поэмы, далеко не очевиден главный тезис, из которого исходит автор: «Так как вся жизнь Цицерона охватывалась двумя книгами, то пропорции между периодом до консульства и после консульства по крайней мере были 1:1» (там же. С. 83). Доказательств, что М. Туллий подробно изложил свою жизнь до 63 г. до н.э., нет. Письмо к Лукцею говорит об особой важности освещения периода с 63 г. до н.э. по 57 г. до н.э. П.Б. Гурвич неправильно понял слова Цезаря как похвалу в адрес *всей* первой книги (ср.: *Нагуевский Д.И.* Указ. соч. С. 428), и порицание до определенного места *второй* (*Cic. Q. fr.* II.15.5). Поэтому выводы, что во второй книге «заговор занимал самое маленькое место и рассказ о нем был написан небрежно и сухо», зато в первой Цицерон «обширно и удачно» освещал «свое сотрудничество с Цезарем и другими помпеянами» (*Гурвич П.Б.* Указ. соч. С. 83), построены на неверных посылах.

³² Мы присоединяемся к мнению М.Е. Грабарь-Пассек, что в речах за 50-ые гг. до н.э. «большинство <...> экскурсов, повторений и отклонений касаются самого Цицерона, его «героизма», его страданий в изгнании, его торжественного возвращения в Рим, его любви к отечеству» (указ. соч. С. 227)

<...> *excellentis ancipites variique casus*)» (ibid. 5). Безусловно, заговор Катилины должен был стать важным, но все же эпизодом поэмы и рассматриваться наряду с триумфальным возвращением в 57 г. как апогей карьеры Цицерона³³. Неоднократно отмечалось, что, в сущности, от Лукция ждали драму³⁴ или, по образному выражению М. Гранта, «волнующую театральную пьесу, в которой драматическим языком рассказывалось бы о взлетах и падениях»³⁵. Используемая Цицероном лексика, действительно, свидетельствует, что тот осознавал специфику жанра. Он, например, просит «выделить эту, своего рода, драматическую пьесу о делах и событиях, относящихся к нам (*secernas hanc quasi fabulam rerum eventorum nostrorum*)» (ibid. 6)³⁶. В.О. Горенштейн переводит, используя слово «трагедия», однако это не совсем удачно. Трагичность – лишь одна из сторон замысла; не менее важно, что пьесе следовало завершиться «примечательным исходом» (ibid. 5). В центре ее находилась фигура Цицерона (ср.: ibid. 2), а отнюдь не исторические события сами по себе. Автор не имел целью дать читателю портрет своей эпохи, равно как не писал «биографию обычного человека в необычное время». Все внимание должно было быть приковано к личности выдающегося мужа, и возникает вопрос: правилен ли общепринятый перевод названия поэмы? *De temporibus suis* можно понимать не только как «О своем времени». Латинско-русский словарь И.Х. Дворецкого дает другие допустимые контексты для *tempus*: «удобный момент, благоприятный случай; обстоятельства, стечение обстоятельств, положение; тяжелые обстоятельства, бедственное

³³ Ср. вывод П.Б. Гурвича о проявленном в *De temporibus suis* «безразличии к событиям 63 года» (указ. соч. С. 83).

³⁴ *Laistner M.L.W.* Op. cit. P. 35.

³⁵ *Grant M.* Op. cit. P. 178.

³⁶ В данном контексте мы настаиваем на этом варианте перевода, хотя *fabula* может пониматься более нейтрально как «сюжет, рассказ». Цицерон продолжает фразу: «ведь она содержит разнообразные действия и многие перемены в решениях и обстоятельствах (*habet enim varios actus multasque <mut>ationes et consiliorum et temporum*)» (*Fam. V.12.6*). *Actus* здесь вкупе с *fabula* явно имеет оттенок «часть театральной постановки, действие, акт».

положение, опасность»³⁷. Что если Цицерон вложил в заглавие *De temporibus suis* смысл «жизненные перипетии», «превратности судьбы», подразумевая перенесенные тяготы и «претерпевающую резкие смены взлетов и падений жизнь»³⁸?

Сделанные выше выводы остаются в силе, как бы ни решался вопрос о принадлежности двух стихотворных строк, цитируемых псевдо-Саллюстием и Квинтилианом: «Да уступит оружие тоге, да подчинятся лавры языку! (*cedant arma togae, concedat laurea linguae*)» (Pseudo-Sall. *Inv. in Cic.* 6; Quint. *Orat.* XI.1.24) и «О счастливый рожденный при мне консуле Рим! (*o fortunatam natam me consule Romam!*)» (Pseudo-Sall. *Inv. in Cic.* 5; Quint. *Orat.* XI.1.24). Сам Цицерон приводит первый стих как «Да уступит оружие тоге, да подчинятся лавры заслуге! (*cedant arma togae concedat laurea laudi*)» (*De off.* I.77; *In Pis.* 73; 74). Предпочтение, на наш взгляд, должно быть отдано самому автору: недоброжелатели могли исказить слова, утрируя смысл. К сожалению, контекст не позволяет сделать выбор между автобиографическими поэмами «О своем консульстве» и *De temporibus suis*. С нашей датировкой последней лучше согласуется гипотеза, что строка *cedant arma togae...* принадлежит сочинению «О своем консульстве»³⁹. Кроме того, трудно поверить, что мотив «императора в тоге» (ср. *Cic. Cat.* III. 15; 23; *Cat.* II. 28; *Cat.* IV. 5) и сравнение своих *res gestae* с основанием Города (ср. *Cic. Cat.* III. 2; 23–25) отсутствовали в *De consulatu suo*, поэме написанной одновременно с публикацией Катилинарий. И все-таки, учитывая повторное обращение Цицерона к теме заговора в *De temporibus suis*, нельзя полностью исключить вероятность, что именно эти строки вошли в нее⁴⁰.

³⁷ Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М., 2000. С. 764.

³⁸ Цицерон четыре раза использует по отношению к будущему труду Лукция слово *tempus* (*Fam.* V.12.2; 4; 6; 9). Как минимум дважды в виду имеются именно обстоятельства.

³⁹ Противник Цицерона Л. Кальпурний Пизон в 55 г. до н.э. высмеивал эту строку (*Cic. In Pis.* 73; 74).

⁴⁰ В научной литературе точки зрения сосуществуют. В.И. Модестов соглашается с господствующим мнением о принадлежности обоих стихов поэме «О своем времени» (указ. соч. С. 265). Д.И. Нагуевский, напротив, относит их к «О своем консульстве» (указ. соч. С. 428). Однако этот автор исходит из оши-

Подводя итог, мы можем сказать следующее. Заговор Катилины, видимо, рассматривался Цицероном в качестве отправной точки рассказа о событиях 63–62 гг. Без сомнения, заговор был изображен яркими красками, а деятельность консула преподносилась как спасение Отчизны в духе Катилинарий и автобиографических сочинений 61–60 гг. Однако, на наш взгляд, *annus mirabilis* занимал не самое большое место в поэме: во-первых, потому что эта тема уже неоднократно эксплуатировалась Цицероном; а во-вторых, поскольку имелись весьма перспективные новые: допущенная по отношению к спасителю Родины вопиющая неблагодарность, стойкое перенесение тягот изгнания, триумфальное возвращение на радость всей Италии. Возможно, была утрачена уникальная информация, отсутствующая в *Ἰπόμνημα*, *Commentarius*, и *De consulatu suo*. Но скорее всего поэма представляла бы для нас интерес в первую очередь с точки зрения того, как Цицерон вплетал заговор в общую канву политической жизни второй половины 60 – первой половины 50 гг.

бочного заключения, что упомянутая в *Q. fr.* II.7 поэма есть *De consulatu suo*. Согласно В.О. Горенштейну, строки об оружии и языке относятся к «поэме Цицерона о его консулате (60 г.)» (Примечания // Г. Саллюстий Крисп... С. 207. Прим. 27).

ГУСЬКОВ Е.А. (САМАРА)

**ПРЕТОРИАНЦЫ ОТОНА И ВИТЕЛЛИЯ
В ГВАРДИИ ВЕСПАСИАНА:
НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ**

В декабре 69 г.¹ с приходом к власти Флавия Веспасиана в Римском государстве закончилась гражданская война. Среди многих трудностей, порожденных продолжавшимися около года боевыми действиями, была необходимость создания нового преторианского корпуса взамен сильно пострадавшей гвардии побежденного соперника.

Было бы вполне естественно ожидать, что Веспасиан в данном случае поступит точно так же, как в свое время Вителлий, распустивший охрану своего предшественника Отона и набравший заново собственный преторий из воинов германских легионов, которые и обеспечили ему императорскую аккламацию в январе 69 г. Однако Лициний Муциан, фактический глава Римского государства в отсутствие Веспасиана, включил в число гвардейцев флавианского корпуса не только непосредственных участников иудео-сирийского восстания войск, приведшего в итоге к утверждению новой династии, но и преторианцев Вителлия (Тас. *Hist.* IV.46). Таким образом, в первые годы правления Флавиев в составе преторианской гвардии можно выделить две группы, которые в дальнейшем мы будем условно именовать «флавианцами» и «вителлианцами». Из числа первых целесообразно выделить тех, кто прежде служил в охране Отона и лишь затем поддержал Веспасиана (Тас. *Hist.* II.82), – «отонианцев».

В своей предыдущей работе я пришел к выводу, что новая гвардия состояла примерно из 10 тысяч человек². Эти воины были

¹ Здесь и далее все даты нашей эры.

² Гуськов Е.А. К вопросу о квингенарном и миллиарном типе преторианских когорт // *Antiquitas juvenatae*. Саратов, 2007. Вып. 3. С. 188. В исследованиях встречается и другое число – 7 200 чел. (напр.: Rankov B. *The Praetorian Guard*.

сведены в 9 когорт (CIL. XVI.21), которые, таким образом, могут быть определены как милиарные (тысячные)³. Французский историк М. Дюрри, считавший, что каждая преторианская когорта в период от Августа до Септимия Севера насчитывала приблизительно 500 человек, признавал увеличение их штата в период гражданской войны 68–69 гг. По его мнению, вслед за этим Веспасиан отказался от эксперимента Вителлия по набору тысячных когорт и возвратился к привычному квингенарному составу. Нарративная традиция, казалось бы, подтверждает данную точку зрения, сообщая о последовавшей позже череде увольнений (Suet. *Vesp.* 8.2; Tac. *Hist.* IV.46). В связи с этим легко предположить, будто сокращение гвардии произошло преимущественно за счет казавшихся менее надежными «вителлианцев»; освобождаемые при этом места не восполнялись набором добровольцев, по крайней мере, в количестве, равном демобилизовавшимся, благодаря чему, собственно, и осуществлялось сокращение претория. Но есть ли объективные основания для данной версии?

Проблема, как можно заметить, упирается в вопрос о принципе пополнения и обновления императорского претория. М. Дюрри считал, что стандартный порядок этой процедуры был таков: каждый год в отставку выходило обыкновенно пять человек на центурию пятисотенной когорты (по его мнению, это было характерно для большей части истории преторианского корпуса) и 11 человек при тысячном типе когорт (во времена Северов и далее);

L., 1994. P. 8), т.е. по 800 воинов на когорту. Это число вытекает из того предположения, что структура преторианских подразделений напоминала первую (удвоенную) легионную когорту.

³ Принадлежность к милиарному или квингенарному типу, конечно, еще не означает, что в когорту входило, соответственно, строго 1 000 или 500 человек. В действительности, как следует из работ античных авторов (Veget. II.6; Ps.-Nug. 5) и что подтверждается современными исследованиями, наименование типа данного подразделения происходило из округления штатной численности состава, которая, однако, также не слишком часто соответствовала реальному положению. По этой причине всякие расчеты с целью определить действительное и номинальное количество воинов в каждой когорте претория принципиально будут приблизительными.

соответственно с этим, столько же добровольцев ежегодно вербовались в гвардию. Не касаясь сейчас абстрактно-идеального характера предложенной схемы увольнений⁴, важно отметить, что новое руководство должно было, во всяком случае, проводить гибкую демобилизационную политику, чтобы разорвать «круговую поруку» и не вызвать массового возмущения гвардейцев.

Тацит (*Hist.* IV.46) описывает каким образом проходила реорганизация императорской охраны: *quibus aetas et iusta stipendia, dimissum cum honore, alii ob culpam, sed carptim ac singuli*, т.е. часть воинов отставлялась по истечении положенного срока, но некоторые были уволены прежде этого времени за различные провинности (*ob culpam*). Демобилизация осуществлялась, таким образом, в форме обычных и неординарных увольнений. Точное число последних, конечно, теперь уже не представляется возможным установить, но по поводу тех преторианцев, которые целиком отслужили свой срок, могут быть высказаны некоторые соображения. Отмечу, что в данном случае необязательно речь идет именно о шестнадцати годах, поскольку в срок службы новым гвардейцам полностью или частично включили время их службы в легионах, что позволяло проводить увольнения более равномерно в количественном отношении. Эпиграфические данные подтверждают предположение о неполной продолжительности их преторианской службы (напр., ILS. 2035;2036 – в последнем случае, правда, это вызвано было прежде-

⁴ В частности, данная схема не учитывает потери состава в течение довольно длительного срока службы рядовых воинов (16 лет – *Durry M. Praetoriae cohortes* // RE. 1954. Hbd. 44. Sp. 1628; во II в. – 17, в III в. – 12 лет), как бы автоматически подразумевая, что все преторианцы, однажды вступив в гвардейский корпус, покидали его по истечении положенного времени. Это весьма сомнительно. Необходимо иметь в виду погибших во время военных столкновений, которых было не так уж и мало, как это обычно считается, во время несчастных случаев, болезней, эпидемий и т.д. Следовательно, получаемая из эпиграфических источников цифра в пять человек, уходящих в отставку, еще не означает, что шестнадцатью годами ранее именно столько же новобранцев было зачислено в центурию. В действительности их было больше (подробнее см.: *Kennedy D.L. Some Observations on the Praetorian Guard* // *Ancient Society*. 1978. Vol. 9. P. 276–286).

временной смертью, но и такой вариант завершения военной карьеры не должен исключаться)⁵.

Естественно, что в новых условиях, создавшихся в связи с милиаризацией преторианских когорт, пришлось отказаться от прежнего порядка набора и увольнения воинов, существовавшего при Юлиях-Клавдиях. При последовательной реализации этой схемы возвращение к квингенарному составу (при условии, что Веспасиан действительно преследовал такую цель) происходило бы в течение довольно длительного времени⁶. Теперь, когда подразделения претория стали насчитывать по 1 000 человек в каждом, в отставку ежегодно в связи с завершением срока службы стало отправляться большее число воинов. Число это нельзя назвать точно, тем более что оно вряд ли было постоянным; правильнее поэтому будет говорить о средних цифрах, колеблющихся в пределах 5–11 человек на центурию. В критические моменты истории преторианского корпуса данные показатели из-за боевых потерь становились существенно выше, но о каких-либо закономерностях в данном контексте не могло быть и речи.

Поскольку 70-е гг. I в. не отмечены никакими заметными военными событиями в жизни гвардии, названные цифры можно

⁵ В противном случае, т.е. если бы время предшествующей службы не учитывалось, в первые годы ординарные увольнения затрагивали бы почти исключительно преторианцев Отона, которые в качестве таковых поступили на службу гораздо раньше «вителлианцев» и «флавианцев»: первая их группа была набрана в 54 г., тогда как воины Вителлия вошли в преторий единовременно в 69 г., а легионеры Веспасиана – в начале 70 г., и должны были покинуть его, соответственно, в 86 и 87 гг. Таким образом, в середине 80-х гг. преторианский корпус (если бы все воины дожили до этого времени) лишился бы чуть ли не 50–70% своего состава, что выглядит просто невероятно.

⁶ Если считать, как предлагает М. Дюрри для истории корпуса вообще, что ежегодно уходили в отставку 270 человек (на 9 когорт), то сокращение с 10 тысяч до 4,5 тысяч только в рамках привычной демобилизации должно было занять около 20 лет без проведения восполняющего набора (!), а это превышает срок службы рядовых в гвардии. С учетом «провинившихся» общая продолжительность периода «реорганизации», безусловно, снижается, но вряд ли намного. К тому же применение данного варианта в возникших условиях выглядело бы более чем странно просто с точки зрения логики.

взять для дальнейших расчетов. Понятно, что крайний показатель в 11 отслуживших полностью срок солдат является идеальным: все рекруты-добровольцы завершают службу по истечении стандартных 16–17 лет; по этой причине можно считать его исключительным и редким. Минимальная цифра (5 демобилизовавшихся преторианцев), как кажется, более близка к реальности. М. Дюрри полагал, что этот показатель был равен численности ранее набранных молодых воинов и соответствовал пятисотенному составу: 5 чел. (на центурию) × 6 центурий (в когорте) = 30 чел., т.е. за полный срок службы (16 лет) состав когорты обновлялся на 480 чел. (16 × 30).

Однако если следовать выводам Д. Кеннеди, что потери в рядах претория в середине II в. составляли около 46%⁷, число набранных на службу значительно превышало число отслуживших весь положенный срок, а значит, указанная цифра демобилизуемых приближает штат преторианской когорты к тысяче человек (в идеале – 1056). Из этого, в свою очередь, следует, что для поддержания стабильного состава корпуса необходимо было ежегодно вербовать *tirones* почти вдвое больше против числа покидающих его ряды.

Д. Кеннеди, как, впрочем, и М. Дюрри, привлекал для своих расчетов списки преторианцев (*laterculi praetorianorum*), относящиеся ко времени принципата Антонина Пия, который, как известно, ни разу не покидал Италии (SHA. *Ant. Pius.* 7.11–12). Гвардия в это время, следовательно, не принимала участия в военных операциях. Это позволяет распространить выводы Кеннеди и на правление Веспасиана.

Поставим теперь вопрос: каким образом путем увольнений можно было сократить гвардию вполовину ее состава, или точнее: какой должна была быть обеспечивающая эту цель разница в числе набранных и выбывших по различным причинам преторианских воинов? Эта разница, с другой стороны, должна была отвечать еще одному требованию – способствовать поддержанию преемственно-

⁷ Kennedy D.L. Op. cit. P. 285, 288.

сти штата и в конечном итоге не выходить за рамки продолжительности службы.

Отправной точкой является показатель в 11 человек (соответствующий идеальному: $11 \times 6 \times 16 = 1\ 056$), включающий как тех солдат, что умерли во время службы, так и тех, кто были живыми к моменту ее завершения. Последние, включая различные причины ухода в отставку (*ob culpam, cum honore dimissi*) составляли лишь чуть больше половины этого показателя. В нашем случае можно предполагать повышение средней цифры за счет «провинившихся», но из этого еще непосредственно не вытекает, что их общее число в центурии превышало 11 человек. Даже если их было больше названной цифры, судить о масштабах сокращения сложно, так как мало что известно о наборе. В качестве некоторой опоры в рассуждениях о нем можно воспользоваться сообщением Тацита, где он специально подчеркивает мирный характер реорганизации претория. Спокойно демобилизация осуществлялась, как отмечает древний историк, только благодаря тому, что удалось разорвать устоявшиеся связи между солдатами (*Hist. IV.46: consensus multitudinis extenuatur*). Слишком большая разница в числе набранных и уволенных со всей очевидностью свидетельствовала бы о нацеленном характере демобилизации. Жертвами этой «дискриминации» могли считать себя (быть может, не без оснований) «вителлианцы»⁸. Преодолеть «круговую поруку» тогда было бы крайне затруднительно. Поэтому значительная часть освобождавшихся мест, видимо, все же занималась новичками. Отсюда, если сокращение гвардии имело место, то было оно, скорее всего, не очень значительным – быть может, в количестве, необходимом для устранения возможных диспропорций состава когорт или же для приближения реального штата к номинальному. Таким образом, нельзя утверждать об об-

⁸ Светоний (*Vesp. 8.2*), не конкретизируя род войск, прямо указывает, что в отставку были отправлены многие из воинов Вителлия: *Vitellianorum... et exauctoravit plurimos et coercuit*. Учитывая кроме этого, что преторианцы, набранные им, численно преобладали в новой гвардии, можно признать, что они составляли большинство среди всех уволенных, особенно по причине *ob culpam*.

ратной «квингенаризации» подразделений претория. Помня о том, что во II в. они, скорее всего, насчитывали по 1 000 воинов в каждом, естественно предположить, что они оставались такими с эпохи Флавиев.

В целом, без привлечения новых источников определить типологию преторианских когорт представляется задачей почти неосуществимой, так как мы располагаем слишком скудным количеством источников. Практически любой из приводимых аргументов в пользу той или иной версии может быть с некоторыми изменениями использован для доказательства противоположной точки зрения.

СУРОВЕНКОВ Д.И. (МОСКВА)

**НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ
ОТНОСИТЕЛЬНО ОПИСАНИЙ ТРИУМФОВ
В *SCRIPTORES HISTORIAE AUGUSTAE***

Среди исследований, посвященных изучению сборника императорских биографий, известного как *Scriptores Historiae Augustae*, уже стало стандартным утверждение, что данный античный памятник – источник странный.

Начиная с эпохальных работ Германа Дессау, в антиковедении уже более ста лет ведется спор относительно авторства и времени создания этого биографического сборника. Именно Дессау первым предположил, что вопреки утверждениям, содержащимся внутри самого источника, императорские жизнеописания были написаны не шестью авторами¹ и не на рубеже III и IV столетий, но, напротив, одним автором в конце IV века.

Судя по всему, спор вокруг *SHA* никогда не будет разрешен. Следует, впрочем, признать, что аргументы, которые выдвигают Дессау и его сторонники, в числе которых, к примеру, был один из крупнейших антиковедов минувшего века Рональд Сайм², представляются весьма убедительными. Однако, вставая на данную позицию, то есть, отвергая базисную информацию об источнике (кто автор и время создания), дальнейшим естественным выводом становится утверждение о необходимости подвергать сомнению подлинность любое фактическое сведение, которое представлено в этом памятнике и не имеет подтверждений в других источниках. Соответственно, источниковая информация, в отношении которой

¹ Авторами биографий указываются Элий Спатиан, Юлий Капитолин, Элий Лампридий, Вулкаций Галликан, Требеллий Поллион и Флавий Вописк Сиракузянин. Помимо *SHA*, эти персонажи нигде более в античной литературе не упоминаются.

² В числе работ Сайма, посвященных *SHA*, см.: *Syme R. Ammianus and the Historia Augusta. Oxf., 1968; idem. Emperors and Biography. Oxf., 1973; idem. Historia Augusta Papers. Oxf., 1983.*

есть такие подозрения, не может быть надежным основанием в научных исследованиях.

Учитывая, что *SHA* представляет собой чуть ли не единственный развернутый рассказ о событиях, составляющих так называемый кризис III в., то – отказывая в достоверности этому источнику – исследователям приходится отказываться и от огромного массива нарративной информации, освещающей один из ключевых периодов в истории Римской империи. Вероятно, именно чтобы избежать столь радикальных и категоричных действий в отношении императорских биографий и сделать возможным научную опору на этот источник, ряд исследователей пытаются оспорить позицию Дессау и согласных с ним ученых, приводя различные контраргументы и возражения³.

В любом случае, все антиковеды, изучавшие данный источник, сходятся на том, что жизнеописания, составляющие этот сборник, наполнены – в большей или меньшей степени – различного рода фальсифицированной информацией и, прежде всего, в них включены очевидно подложные документы: письма, отчеты о заседании сената и прочее.

Что касается писем, цитируемых в этих биографиях, то их общее число составляет 83⁴. Важно отметить, что из них для 28 писем надежно установлена подложность⁵. Это составляет треть от

³ Собственно, точку зрения Г. Дессау оспаривал еще Т. Моммзен, предложивший теорию «позднего, общего редактора», согласно которой *SHA* были действительно созданы в начале IV в., однако позднее некий редактор внес туда дополнения. Одним из крупнейших сторонников этой теории в XX веке может быть назван А. Момильяно (см., например: *Momigliano A. An Unsolved Problem of Historical Forgery: The S.H.A. // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1954. No. 17. P. 22–46*). Одно из последних исследований, где также защищается ранняя датировка написания *SHA*: *Lippold A. Die Historia Augusta: eine Sammlung römischer Kaiserbiographien aus der Zeit Konstantins. Stuttgart, 1998*.

⁴ Помимо этого, одно письмо не цитируется, но пересказывается в жизнеописании Тридцати тиранов (*Trig. tyr. 18.11*) и еще на одно послание есть просто ссылка: в биографии Пертинакса (*Pert. 15.8*).

⁵ Здесь я опираюсь на данные исследований Анри Шастаньола (*Chastagnol A. Histoire Auguste. P., 1994*), количественные подсчеты мои собственные.

общего количества и, безусловно, бросает тень сомнения на остальные 55. Также следует подчеркнуть, что большинство (60) из всех посланий содержатся в завершающей дюжине жизнеописаний, то есть в последних 12 биографиях⁶ (от жизнеописания Двух Максиминов до жизнеописания Кара, Карина и Нумериана). Однако к этому обстоятельству вернемся чуть ниже.

Отчеты заседаний и постановления сената составляют другую группу документов, цитируемых в *SHA*, и встречаются довольно часто. Особо примечательны те случаи, когда в жизнеописаниях указана точная дата (день и месяц) прошедшего заседания: их 11. Из них – 7 случаев развернутого описания заседания сената⁷ и три случая, когда цитируется сенатское постановление⁸. Еще один случай – когда цитируется речь императора Александра Севера перед сенатом и возгласы сенаторов (*Alex. Sev.* 56.1–57.6) – непосредственно связан с описанием триумфа, и о нем речь ниже пойдет особо.

Важно отметить, что для семи таких цитаций на основании других источников⁹ возможно независимое от *SHA* установление точной или приблизительной даты. И всякий раз дата, полученная на основе указаний иных античных источников, будет противоречить датировке, которая сообщается в императорском жизнеописании¹⁰. Расхождения порой довольно значительны: так, например, заседание сената, посвященное тому, что императором стал Клавдий II Готский, в биографии датируется 24 марта¹¹, одна-

⁶ Всего в дошедшем виде в сборнике представлено 30 императорских биографий, последние 12 выделяются в особую группу, поскольку, начиная с жизнеописания Двух Максиминов, в этом собрании появляются биографии, в которых могут быть жизнеописания *нескольких* царственных персон.

⁷ *Alex. Sev.* 6.1–12.2; *Max. et Balb.* 1.1–2.12; *Duo Valer.* 5.4–8; *Aurel.* 19.1–20.8; 41.3–15; *Tacit.* 3.2–7.1; *Prob.* 11.5–12.8.

⁸ *Duo Max.* 26.1–5; *Trig. tyr.* 21.3–5; *Claud.* 4.1–4.

⁹ Как правило, это эпиграфические и нумизматические источники, которые *a priori* могут считаться более надежными.

¹⁰ *Chastagnol A.* Op. cit. P. 122.

¹¹ «Когда за восемь дней до апрельских календ было объявлено..., что Клавдий стал императором» (*Cum esset nuntiatum VIII. kal. Aprilis... Claudium imperatorem factum* – *Claud.* 4.2; здесь и далее цитаты из *SHA* даны в переводе С.Н. Кондратьева).

ко из нумизматических источников известно, что тот начал царствовать не ранее поздней осени 275 г.

Очевидным образом, все эти хронологические несоответствия свидетельствуют об ошибочности приведенных сенатских постановлений и отчетов о заседаниях, ставя под сомнения всю группу подобных «документов»¹². В действительности речь идет о довольно значительном количестве сообщений. Ведь в различных жизнеописаниях есть множество случаев цитации без указания на точную дату «возгласов» сенаторов (*adclamationses senatus*) по разным поводам или выступления императоров в сенате¹³. Сюда же следует прибавить сообщения, где приводятся речи императоров на придворных советах, а также выступления разных людей (прежде всего, конечно, тех же императоров) на военных сходках¹⁴. Эти сообщения примыкают к аналогичным рассказам о заседании сената в повествовательном плане¹⁵, а также в структурном отношении – что важнее! – наличием прямой речи.

¹² Любопытно, что в биографии императора Тацита автор, предупреждая подобные подозрения в фальсификации, указывает точное место нахождения цитируемого сенатского постановления в Ульпиевой библиотеке: «в шестом шкафу» (*in armario sexto* – Tacit. 8.1), однако далее он сообщает, что данное постановление было записано в книге из слоновой кости (*librum elephantinum*) и, более того, указывает: «В течение долгого времени сенатские постановления, касающиеся императоров, записывались в книги из слоновой кости» (*diu haec senatus consulta, quae ad principes pertinebant, in libris elephantinis scribebantur* – Tacit. 8.2). Нигде более в античной литературе подобное не засвидетельствовано, а значит, это указание биографа может считаться авторским вымыслом, что лишний раз подтверждает подложность приводимых сенатских постановлений.

¹³ Avid. 13.1–5; Comm. 18.1–19.9; 20.2–5; Op. Macr. 2.3–4; Duo Max. 18.1–3; Tres Gord. 11.1–10; 27.4–8; Trig. tyr. 12.15–18; Claud. 18.1–3; Tacit. 9.1–6; Car., Carin. et Numer. 5.1–3.

¹⁴ Clod. Alb. 3.2–3; 13.5–10; Diad. Ant. 1.4–2.4; Alex. Sev. 53.1, 4–54.6; Duo Max. 18.1–3.; Tres Gord. 4.6–7; 8.1–4; 14.1–4; Duo Valer. 6.1–9; Trig. tyr. 8.8–13; 23.3; Claud. 13.1–14.7; Tacit. 7.2–4; 8.3–5; Prob. 5.3.

¹⁵ В жизнеописании Двух Валерианов указывается, что император Деций созвал совет придворных, *после того как* получил постановление сената (*Duo Valer.* 6.1); в биографии императора Тацита сообщается, что он отправился на Марсово поле, чтобы произнести речь перед войнами, *сразу после* заседания сената (*Tacit.* 7.2).

Сомнение всем этим сообщениям прибавляет то обстоятельство, что практически никогда автор биографии не указывает источник, откуда он цитирует все эти речи¹⁶. Отметим также, что подавляющее большинство подобных сообщений – где приводится прямая речь – опять-таки встречается именно в последних 12 биографиях сборника, включая и те, где есть точная датировка, о которых речь шла выше: 9 из 11 случаев.

Однако основным предметом рассмотрения данной работы являются описания триумфов, которые встречаются в *SHA*. Всего в биографиях подробно описаны четыре триумфа: императоров Александра Севера (*Alex. Sev.* 41.1–42.6), Галлиена (*Duo Gall.* 8.1–7), Аврелиана (*Aurel.* 33.1–34.6)¹⁷ и Проба (*Prob.* 19.1–8).

К этим описаниям уже *a priori* можно относиться как к сомнительным, фальсифицированным сообщениям. Во-первых, четыре из пяти указанных фрагментов присутствуют в последней дюжине биографий. Эта группа биографий уже традиционно считается исследователями как содержащая мало достоверной информации¹⁸. Выше мы отмечали, что на долю этих завершающих жизнеописаний приходится подавляющая часть цитируемых писем¹⁹, а также

¹⁶ Лишь в жизнеописании Коммода есть ссылка на Мария Максима как источник «возгласов сенаторов», последовавших за смертью этого императора (*Com. 18.2*), а также в биографии Александра Севера рассказ о заседании сената ведется со ссылкой на «городские новости» (*ex actis urbis – Alex. Sev.* 6.2). Еще в одном случае – приводя возгласы африканцев по поводу будущего императора Гордиана – автор биографии ссылается на «Юния» (*Tres Gord.* 6.6), то есть Юния Корда. Этого автора, упоминания о котором встречаются только в *SHA*, большинство исследователей считают вымышленным, главным образом потому, что в одних случаях он назван Элием Кордом (*Aelius Cordus – Clod. Alb.* 5.10; *Duo Max.* 12.7), а в других – Юнием Кордом (*Junius Cordus – Op. Macr.* 1.3; *Duo Max.* 27.7; *Tres Gord.* 12.1; 14.7; 17.3; 21.3; 22.2; *Max. et Balb.* 4.2; 4.5).

¹⁷ Отдельный пассаж, связанный с триумфом императора Аврелиана: о том, как на этом триумфе вели плененную Зенобию – присутствует в жизнеописании Тридцати тиранов (*Trig. tyr.* 30.24–26).

¹⁸ См., например: *Гаспаров М.Л.* Послесловие // Властелины Рима. М., 1999. С. 776–778.

¹⁹ Выше уже отмечалось, что для 28 писем, из числа приводимых в жизнеописаниях, надежно установлена подложность – здесь подчеркнем, что, в свою

«подлинных» заседаний сената и императорских выступлений с приведением якобы произнесенных на них речей.

Немаловажным обстоятельством представляется и то, что эти последние 12 биографий в значительной мере²⁰ (по сравнению с предшествующими 18) наполнены всякого рода авторскими отступлениями и рассуждениями самого разного характера: мифологические и географические экскурсы, описания различных уникальных материальных объектов (особой одежды, кулинарных блюд, механизмов и проч.), описание императорских домов и т.д. К этим отступлениям следует относиться либо как к заимствованиям из других источников²¹, либо как к прямому вымыслу биографа²².

Итак, само нахождение описаний императорских триумфов в последних биографиях сборника ставит их достоверность под законное сомнение.

Во-вторых, вызывают подозрение описания триумфов так как эти пассажи в литературно-структурном отношении близки к выше рассмотренным описаниям заседаний сената, а также к так называемым «спискам». Связь рассказа о триумфальном императорском шествии и заседании сената наглядно представлена в биографии Александра Севера, где сообщается, что император «прибыл в Рим и, отпраздновав блестящий триумф, прежде всего, произнес в сена-

очередь, из них 24 (!) послания цитируются именно в последней дюжине биографий *SNA*.

²⁰ На последнюю дюжину биографического сборника приходится четыре пятых (!) подобных сообщений.

²¹ Так, например, рассуждение по поводу тетрафармакона – особого блюда, изобретенного императором Адрианом (*Hadr.* 21.4), – приводимое в биографии Элия (*Ael.* 5.5), содержит в себе ссылку на Мария Максима.

²² Так, очевидно вымышленными являются описания якобы находящихся в Риме домов императоров Песценния Нигера (*Pesc.* 12.4) и Бальбина (*Max. et Balb.* 16.1), а также семьи Тетриков (*Trig. tyr.* 25.4): про дом Бальбина сказано, что он располагался на некоем Юпитеровом поле (*in campo Iovis*), которого в реальности никогда не существовало; дом Бальбина, названный «большим и внушительным» (*magna et potens*), ни в каких других источниках более не засвидетельствован точно так же, как и храм Изиды на Целийском холме (*Isium... in monte Caelio*), напротив которого якобы находился дом Тетриков.

те следующую речь²³», – далее идет «цитирование» этого выступления (*Alex. Sev.* 56.2–9), после чего автор биографии описывает сам триумф.

Что касается «списков», то такое наименование получает авторский прием, когда идет простое перечисление чего бы то ни было: вещей, принадлежащих императору (*Pert.* 8.2–7; *Duo Max.* 27.7–8; *Claud.* 17.1–7; *Aurel.* 12.1; *Prob.* 4.5; *Quadr. tyr.* 15.8), кулинарных блюд и продовольствия (*Clod. Alb.* 11.3; *Claud.* 14.1–5; *Aurel.* 9.6; *Prob.* 4.6), каких-либо людей (*Sev.* 13.1–7) и т.д. Сами списки кажутся довольно сомнительными: прежде всего, два раза (*Clod. Alb.* 11.3; *Duo Max.* 27.7–8) автор, приведя список, ссылается на Корда – автора, в вымышленности которого можно быть уверенным (см. выше прим. 16), а, кроме того, около половины всех «списков», встречающихся в биографиях, приводятся внутри писем²⁴.

Что касается описания триумфов, то они как раз во многом и строятся по «списочному принципу»: путем перечисления элементов и участников торжественного шествия, а также цирковых и театральных представлений.

Рассмотрим подробнее все четыре выделенных фрагмента с триумфами. Во всех них можно проследить единый «триумфальный сценарий», состоящий из нескольких частей:

- 1) выступление императора в сенате (*Alex. Sev.* 41.1–10);
- 2) торжественное шествие из сената на Капитолий (*Alex. Sev.* 42.1; *Duo Gall.* 8.1–7; *Aurel.* 34.5)
- 3) совершение священнодействий на Капитолии, произнесение речи перед собравшейся толпой (*Alex. Sev.* 42.1), после чего уход императора в свой дворец на Палатине (*Alex. Sev.* 42.4; *Aurel.* 34.5)

²³ *Romam venit triumphoque pulcherrimo acto apud senatum primum haec verba habuit* (*Alex. Sev.* 56.1).

²⁴ *Claud.* 14.1–5; 16.1–3; 17.1–7; *Aurel.* 9.1–7; 12.1–2; *Prob.* 4.3–7; *Quadr. tyr.* 15.8 (здесь идет список вещей, прилагавшихся к письму).

- 4) раздача даров народу и устройство цирковых и театральных представлений в последующие дни (*Alex. Sev.* 42.6; *Aurel.* 34.6; *Prob.* 19.1–8).

На первый взгляд, подобное единство *повторяющихся* действий проще всего объяснить тем, что все четыре императора – Александр Север, Галлиен, Аврелиан и Проб – строго следовали одной и той же традиции, модели проведения триумфа. Однако учитывая специфику самого источника, изначальное сомнение в подлинности данных сообщений, можно предложить и иное толкование. А именно, что перед нами описание не четырех разных триумфов, но *одного*, по-разному воспроизведенное в жизнеописаниях четырех императоров.

К подобному объяснению подталкивает *распределенное и несогласованное* внимание автора на различные этапы этих четырех триумфов. Действительно, в рассказе о триумфе Александра Севера подробно описано его выступление в сенате (*Alex. Sev.* 41.1–10), а также приводится речь императора перед торжественной толпой на Капитолии (*Alex. Sev.* 42.1) и сообщаются детали перехода Александра с Капитолия на Палатин (*Alex. Sev.* 42.4–5); относительно самого шествия на Капитолий и о представлениях и раздачах на следующий день сказано кратко, одной фразой²⁵.

В описании триумфа Галлиена, напротив, подробно повествуется о шествии на Капитолий (*Duo Gall.* 8.1–7), а о речи императора в сенате и о последовавших праздничных представлениях вообще ничего не говорится. Также и в биографии Аврелиана с обилием деталей рассказано о торжественном шествии на Капитолий (*Aurel.* 33.1–34.4), а об отбытии императора на Палатин и о развлечениях,

²⁵ Соответственно: «отпустив сенат, он поднялся на Капитолий» (*dimisso senatu Capitolium ascendit* – *Alex. Sev.* 42.1) и «на следующий день, по окончании цирковых игр и театральных представлений, он затем произвел раздачу народу» (*alia die actis circensibus et item ludis scaenicis deinceps congiarium populo Romano dedit* – *Alex. Sev.* 42.6).

устроенных в следующие дни для народа, сказано опять-таки кратко²⁶.

Наконец, в рассказе о триумфе Проба ничего не говорится ни о выступлении в сенате, ни о шествии на Капитолий²⁷, зато подробно описаны цирковые зрелища: охота на диких зверей в амфитеатре и гладиаторские бои, – которые были устроены по приказу этого императора.

Итак, весьма заманчиво полагать, что перед автором императорских жизнеописаний было некое повествование о триумфе, где подробно сообщалось о выступлении триумфатора в сенате, о последующем торжественном шествии на Капитолий, о священнодействии там и об устроенных затем театральных представлениях и цирковых играх. Автор, соответственно, разделил это описание на несколько частей, каждую из которых перенес в одну из четырех биографий.

Если наше предположение верно, то эти описания триумфа могут быть очень хорошим примером, иллюстрирующим то, как автор писал (фактически конструировал) свои жизнеописания, а именно, отталкиваясь и делая заимствования из своих источников, он мог переносить полученную информацию о реалиях и событиях, связанных с одними людьми (императорами), на совершенно других, возможно даже разделенных значительным временным периодом.

Выше отмечалось, что именно последние 12 биографий насыщены фальсифицированными письмами и отчетами о заседании

²⁶ Соответственно: «Наконец, лишь в девятом часу он прибыл на Капитолий и поздно вечером – в Палатинский дворец. В следующие дни для народа были устроены развлечения – театральные представления, цирковые игры, охоты, бои гладиаторов, морские сражения» (*Denique vix nona hora in Capitolium pervenit, sero autem ad Palatium. Sequentibus diebus datae sunt populo voluptates ludorum scaenicorum, ludorum circensium, venationum, gladiatorum, paumachiae – Aurel. 34.5–6*).

²⁷ Лишь на намек на это содержится в указании: «он... во время своего триумфа вел перед собой отряды всех племен, численностью до пятидесяти человек каждый» (*omnium gentium drungos usque ad quinquagenos homines ante triumphum duxit – Prob. 19.1*).

сената и речах императоров, разного рода отступлениями и рассуждениями. Возможно, подобная ситуация объясняется тем, что автор, создавший сборник императорских биографий, находился в ситуации отчасти схожей с той, в какой находятся и современные исследователи. Весьма вероятно, что он так же, как и нынешние антиковеды, располагал весьма скудными нарративными источниками относительно жизни и деяний императоров, царствовавших во второй половине III столетия н.э. Именно поэтому автор начал объединять в одном жизнеописании рассказы о жизни нескольких императоров, поэтому – чтобы «ликвидировать» свою «источниковую лакуну» – он стал вставлять в биографии различные экскурсы и собственные замечания; начал «мультиплицировать» данные источников и переносить их на другие исторические персонажи; стал сочинять речи, которые могли произнести его герои и, наконец, перешел к прямой фальсификации документов.

ДАВЫДКИНА О.И. (САМАРА)

К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ОСТГОТОВ И ВОСТОЧНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ НАКАНУНЕ КРАХА ОСТГОТСКОГО КОРОЛЕВСТВА

Распад гуннской державы способствовал росту политического значения остготского племенного союза. К середине V в. остготы находились в Паннонии на правах федератов¹. Они воевали против различных варварских народов в поисках новых земель, более благоприятных для поселения, чем прежнее место обитания – опустошенная Паннония. В итоге остготы оказались в пределах Иллирика. Известно, что в это время между ними и Римской империей были мирные отношения (*Iord. Get.* CCLXXI). Вскоре остготы создали свое государство на территории Италии.

Наивысшего расцвета государство остготов достигло при его непосредственном основателе Теодерихе, сыне Тиудимера². Каким образом остготы оказались на территории Италии – источники не рисуют единой картины³. Диалог между Велизарием (римским полководцем, сражавшимся с готами в Италии)⁴ и остготами в Риме, со-

¹ Банников А.В. Последние армии Римской империи // ААе. Казань; Н. Новгород; Саратов, 2007. Вып. 2. С. 215–219. Подробнее о федератах см.: Nicolle D. Romano-Byzantine Armies 4th–9th centuries. L., 1992. P. 4–10; Шувалов П.В. Секрет армии Юстиниана. Восточноримская армия в 491–641 гг. СПб, 2006. С. 60–73.

² Martindale J.R. The Prosopography of the Late Roman Empire. Cambr., 1980. Vol. 2. P. 1077.

³ Ср.: Прокопий утверждает, что Теодерих был отправлен туда Зеноном, так как последний хотел избавиться от опасного вассала и предотвратить очередную атаку готов на Константинополь (*Procop. Goth.* II.6.16). Аноним Вalezия говорит о стремлении императора отблагодарить Теодериха за помощь в борьбе с Василиском (*Anon. Vales.* XI.49). Иордан же свидетельствует, что поход в Италию Теодерих совершил по собственной воле, получив, однако, согласие императора (*Iord. Get.* CCXC–CCXCII). Евагрий Схολастик утверждает, что Теодерих двинулся в Италию самовольно, так как узнал о заговоре императора против себя (*Euag. Scholas. Hist. eccl.* III.27).

⁴ Martindale J.R. The Prosopography of the Late Roman Empire. Cambr., 1982. Vol. 3. P. 181.

стоявшийся в 537–538 гг., в котором говорилось, что «если бы готы... могли процитировать формальный договор или разрешение, уполномочивающие Теодериха править Италией, они бы обязательно это сделали» (Procop. *Goth.* VI.6.14), доказывает, что конституционное положение Теодериха никогда не было четко определено. Говорить о статусе готского короля весьма затруднительно. В чем мы можем быть уверены, так это в том, что Теодерих не стал королем италийцев и варваров. В этот период не существовало у италийцев короля. Поэтому в официальных документах единственный титул Теодериха – это титул *rex* без уточнения⁵. Он не называет себя *rex Gothorum*, так как после завоевания Италии в его войско вошли воины из бывшей армии Одоакра, которые являлись представителями различных народов. С другой стороны, такой титул ограничил бы власть Теодериха лишь властью над варварами, исключив италийцев. В то же время он не *rex Romanorum* или *rex Italiae*. Он просто *rex*, без уточнения кого именно⁶.

Показателен еще один пример. Когда Амаласунта, которая управляла остготским государством в 526–534 гг., решила обратиться к помощи Юстиниана, то она предложила ему забрать власть над готами и италийцами (*ibid.* V.1.2; 3.12; 6.19), хотя в действительности сама она такой властью не обладала: с точки зрения римских законов, Амаласунта была королевой готов, а не италийцев. Следует еще вспомнить, что когда в 540 г. Велизарий определенно должен был стать императором Западной империи, то остготы называли его императором италийцев и готов (βασιλεὺς τὸ λοιπὸν Ἰταλιωτῶν αὐτὸς καὶ Γόθων εἶη – *ibid.* VI.29.26). Вряд ли готы могли бы склонить Велизария на свою сторону обещанием более низкого титула. В своем втором предложении Велизарию они пообещали, что готский король сложит свои пурпурные одежды к его ногам и окажет ему почес-

⁵ Шкаренков П.П. Королевская власть в остготской Италии по *Variae* Кассиодора. М., 2003. С. 44–47.

⁶ Томпсон. Э.А. Римляне и варвары. Падение Западной империи. СПб., 2003. С. 66.

ти как императору готов и римлян, то есть как императору Западной империи (*ibid.* VI.30.26).

Во всяком случае, каким бы ни был титул Теодориха, известно, что главным для него, предводителя остготов, было победить засевшего в Италии Одоакра⁷. Оказавшись в Италии, остготы селились как военные постояльцы («гости»)⁸. За это вождь остготов был удостоен восточноримским императором Зеноном (474–491 гг.) звания патриция и должности военного магистрата⁹, а его соплеменники могли расселяться на землях, отвоеванных у Одоакра. По просьбе римского сената и папы император Зенон признал Теодориха королем и послал ему знаки королевского достоинства. Более того, Зенон «усыновил» его по оружию (*in arma sibi eum filium adoptavit*) и сделал консулом (*ibid.* 289). Предполагалось, что «сын по оружию» не пойдет войной на своего «отца по оружию» (*Cassiod. Var. I.1*). Теодорих, выступив в Риме перед сенатом, дал обещание сохранить законы, изданные императорами¹⁰. В общем, он продолжил политику Одоакра и римских императоров в этом регионе¹¹.

На протяжении остготского владычества римская аристократия была разделена на два лагеря. С одной стороны, надежды тех, кто мечтал об изгнании готов и освобождении с помощью Восточной римской империи, были связаны с Константинополем; с другой, те, кто были больше привязаны к Риму, чем собственно к империи, мечтали о независимости Италии и стремились к сотрудничеству с готами¹². Таким образом, итальянское население не было едино в своем отношении к очередным пришельцам.

⁷ *Gregory T. Odoacer // The Oxford Dictionary of Byzantium. Oxf., 1991. Vol. 1. P. 1512.*

⁸ *Неусыхин А.И. Остготское королевство в Италии // История Италии. М., 1970. Т. 1. С. 15.*

⁹ *Кулаковский Ю.А. История Византии. СПб, 2003. Т. 1. С. 370.*

¹⁰ *Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение варварских королевств. М., 1984. С.170.*

¹¹ *Wolfram H. The Goths in Aquitaine // German Studies Review. 1979. Vol. 2. No. 2. P. 154.*

¹² *Шкаренков П.П. Римская традиция в варварском мире. Флавий Кассиодор и его эпоха. М., 2004. С. 52.*

Как и до завоевания Италии готами, на Востоке и Западе ежегодно назначались два консула, но теперь один из них – остготским королем (*Mal. Chron.* XV.383). В титуле остготского короля присутствовало старое обозначение римских императоров – *Flavius*¹³.

Расселяясь на римских территориях, остготская знать все больше романизировалась¹⁴. Многие из вождей ценили удовольствия и комфорт, которые давала римская цивилизация, и мечтали любой ценой навсегда покинуть Италию и получить место в византийском обществе вблизи Константинополя. В то же время, именно боязнь того, что им придется уйти из Италии и поселиться вблизи Византии, не позволила основной массе остготов сдаться Велизарии в 540 г. (*Procop. Goth.* VI. 29. 17).

Напомним, что готы по вероисповеданию были арианами. Однако на завоеванной территории они предоставили населению полную свободу религии: они не заставляли италийцев принимать арианское вероисповедание, а если даже кто-либо из готов переходил в католичество, то это никоим образом не каралось. Право католических храмов служить убежищем строго соблюдалось¹⁵.

Теодерих укреплял и внешнеполитическое положение своего государства через династические браки. Сам он был женат на сестре франкского короля Хлодвига, а король Сигизмунд был женат на дочери Теодориха (*Gregor. Turonen. Hist. Franc.* III.5, 31), одну из своих дочерей он отдал королю везеготов, а другую – королю бургундов, сестру – за вандальского короля (*Procop. Vand.* I.8.12), племянницу – за короля турингов (*Iord. Get.* 297–298). В 508 г. Теодерих оказал помощь вестготам против франков и занял Прованс. Упрочив власть своего малолетнего внука Аталариха на вестготском престоле, Теодерих в качестве регента правил Испанией. В стране находились остготские гарнизоны.

¹³ Jones A.H.M. The Constitutional Position of Odoacer and Theoderic // JRS. 1962. Vol. 52. P. 129.

¹⁴ Пржигодзкая О.Ю. Процесс вхождения варваров в состав общества Римской империи: романизация (IV–V вв.) // Мнемон. СПб., 2007. Вып. 6. С. 575.

¹⁵ Томпсон Э.А. Указ. соч. С. 96.

Но эти связи не продержались более одного поколения. Уже в 539 г. франкский король Теодоберт, воспользовавшись войной готов против римлян, несмотря на договор с Византией и готами, вторгся в Италию и опустошил Лигурию и Эмилию. В 514 г. франки укрепились в Северной Италии. (Gregor. Turonen. *Hist. Franc.* III.32). Вандальский король заточил в плен сестру Теодериха, а присланную с ней стражу убил (Procop. *Vand.* I.9.5). Испания стала самостоятельной. В 531 г., после гибели Амалариха в битве с франками, королем стал Теид, прежний остготский правитель страны, занявший теперь независимую по отношению к Остготскому королевству позицию¹⁶.

После смерти Теодериха его политику продолжали наследовавший ему Аталарих¹⁷ (526–534 гг.) и мать его Амаласунта (534 г.), которая сначала выступала в качестве регента при сыне, а потом, правда, на короткий срок и королевой. Когда Аталарих, внук и наследник Теодериха, в 526 г. объявил императору Юстину¹⁸, что собирается занять трон деда, то он также выразил надежду, что Юстин удостоит его своей дружбы «на тех же договоренностях и условиях», на которых он и его предшественник строили свои отношения с Теодерихом.

И Аталарих, и Амаласунта продолжали политику Теодериха. Более того, Амаласунта в своей внутренней политике предприняла шаги, направленные на сближение с римской знатью. Проримская позиция королевы встретила противодействие со стороны части готской знати, внешним выражением которой явилось требование отказаться от чуждого готским традициям чисто римского воспитания малолетнего короля. Дальнейшие события знаменовали собой отсутствие стабильности и рост внутренних противоречий в правящей верхушке остготской Италии – вынужденная уступка Амала-

¹⁶ Мюссе Л. Варварские нашествия на Европу: германский натиск. СПб., 2007. С. 66.

¹⁷ Martindale J.R. Op. cit. Vol. 2. P. 175.

¹⁸ Kaegi W.E., Cutler A. Justin I // The Oxford Dictionary of Byzantium. Oxf., 1991. Vol. 1. P. 1082.

сунты, а затем репрессии против руководителей готской оппозиции, тайные переговоры королевы с Юстинианом, ее обещание предоставить византийскому императору Юстиниану власть над Италией (то, что ему и так принадлежало по закону), замужество Амаласунты за племянника Теодериха Теодата, который вскоре лишил свою жену власти, а затем и жизни (*Iord. Get.* 305–308). Последнее и стало предлогом войны римлян с остготами. В июне 535 г. началась война, через 18 лет закончившаяся гибелью Италии и поражением остготов.